

ИРРАЦИОНАРИУМ

ТОЛКОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОСТИ

Веров Лебединская Лукин Трускиновская

Ярослав Веров
Далия Мееровна Трускиновская
Юлиана Лебединская
Дмитрий Лукин
Иррационариум.
Толкование нереальности

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40481015
Иррационариум. Толкование нереальности:

Аннотация

Двое близнецов появляются в небольшом городе, они не делают ничего угрожающего, только спрашивают: «Кто мы?» Но где бы ни оказались, там начинают твориться по-настоящему жуткие вещи. Город, где каждый занимается любимым делом, о котором давно мечтал. Что еще нужно для счастья? Вот только жители его порой исчезают навсегда. Уезжают на поезде, который приходит только по ночам? Администратор салона красоты умеет слышать поступь смерти. Чем ее удивить? Но некоторые тайны – чисто человеческие и иногда лучше бы им оставаться тайнами. Это сборник современной мистики. Четыре истории. Четыре загадки. Четыре запутанных детективных сюжета, в которых иррациональное становится нормальным.

Содержание

Книга первая. Сон разума	4
Ярослав Веров. Горячее лето восемьдесят третьего	4
Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	43
Глава пятая	58
Глава шестая	72
Глава седьмая	87
Глава восьмая	101
Эпилог	116
Дмитрий Лукин. Леночка сдаёт экзамен, или Персональный отбор	119
Предыстория. Спонсор в печали	119
Лекция. Автосалон: что у нас тут за тачки?	129
Конец ознакомительного фрагмента.	139

**Далия Трускиновская,
Ярослав Веров,
Юлиана Лебединская,
Дмитрий Лукин
Иррационариум.
Толкование нереальности**

Книга первая. Сон разума

**Ярослав Веров. Горячее
лето восемьдесят третьего**

Пролог

Ночное шоссе, ветер, шелест листьев. Неяркое зарево отдаленного города. Шоссе пустынно, слышно, как с тихим шорохом прокатились тронутые ветром мелкие камушки.

На обочине некто, он смотрит в темноту, слушает, наблю-

дает. Приближается на большой скорости машина. Стремительно войдя в поле зрения наблюдателя, вытягивается метров на десять, и ход ее замедляется. Она медленно ползет, искажается, будто в кривом зеркале, пока не вырывается из-под взгляда и не уходит стремительно в ночь двумя красными огоньками. С обочины срывает банку из-под пива; вот она, тускло поблескивая, появляется в пределах видимости наблюдателя, лениво, как в замедленной съёмке, кувыркается и скатывается в кювет.

Наблюдатель поднимается к верхушкам тополей. Смотрит на электрическое свечение города. Переводит взгляд на небо. Звезды перестают мерцать, а яркий росчерк метеорита замирает на оси зрения белой крупной звездой...

Областной город в центральной России. Летний солнечный день. Город сверху выглядит зеленым парком с беспорядочно рассыпанными кубиками зданий.

Взгляд где-то на уровне крон, плывет сквозь листву и ветви. Наконец, останавливается у верхушки могучей вербы. Мелкие, трепещущие листочки укрупняются, словно приближается к ним объектив микроскопа. Четко видны клетки, темные пятнышки ядер, зерна хлорофилла, тонкие стенки мембран. Взгляд еще ближе: вместо клеток – лишь хаос дрожащих, изломаннодвигающихся частичек.

Мгновенно все становится на свои места – листья вновь трепещущей массой окружают наблюдателя, а он спускается наземь.

Под вербой – столики; облокотившись на столешницы, пьют пиво люди. Вокруг пивбара – невысокий заборчик.

Взгляд скользит дальше. Фигуры посетителей расплывчатые, туманны. Вдруг наблюдатель останавливается, а потом возвращается чуть назад – смотрит на человека, пьющего в одиночестве. Человек этот виден очень четко.

Глава первая

– Извините, можно мы вас потесним?

За столом стоял худой и высокий работяга лет тридцати, в джинсах и клетчатой зелено-желтой ситцевой рубашке. Кепка-«аэродром» лежала на столе, рядом с нею – три вспотевшие кружки со светлым «жигулевским» – разбавленным, на газетке две воблы.

Юрик Хавченко, для друзей и приятелей просто Хавчик, отложил полурастерзанную воблу и глянул на двоих, подошедших к его столику. Слово «извините» настроило его на саркастический лад, мол, сейчас поговорим с умными людьми.

Но оба подошедших выглядели нормально. Даже как-то по-свойски выглядели, разве что не подмигивали со словами «привет, брат, а помнишь, как мы вместе?..»

«Надо же – близнецы, – подумал он, – и вроде не вспомню, а вроде – виделись. Где виделись? Щас имя мое назовут, а мне как? Не вспоминаю, как их там...»

– Отчего ж нельзя? Можно.

Юрик приглашающе кивнул, посмотрел на руки близнецов. Этим своим психологическим способом распознавания он весьма гордился. По рукам определял – правильный собеседник или нет. Короткие пальцы – однозначно признак тупости, толстые – жадности, тонкие – слабости, маленькая ладонь была ему ненавистна, большая и крепкая вызывала уважение. Нежная белая кожа, присущая интеллигентам, вызывала лишь усмешку. Любил Юрик крепкие рабочие ладони, с соразмерными пальцами, с надежными мозолями и мощными заусеницами.

У этих двоих руки выглядели нормально – руки как руки, в заусеницах, кожа темная, крепкая, значит, можно поговорить. Да, парни симпатичные. Юрика посетил прилив воодушевления.

– Давайте, мужики, – показал на воблу, – не стесняйтесь. Один близнец полез в карман брюк и извлек поллитровую. – Казенка? Я больше домашнее уважаю.

Близнецы виновато улыбнулись – Юрику и это понравилось. «Свои в доску, – чуть ли не восторженно думал он. – Что называется, повезло».

– Вы, мужики, здесь впервой, или как?

Те переглянулись, но ничего не сказали.

– А я здесь всегда пиво пью. В других пивняках водой разбавляют. Порошок стиральный сыпанут для пены, народ травить.

Юрик подмигнул, опорожнил бокал и выдвинул его на середину стола:

– Давайте, наливайте, что ли.

Ему и в голову не пришло, что водка, может быть, и не для него выставлена, ведь ни словом не обмолвились, ни жестом не пригласили. Даже до воблы не дотронулись, а сосут себе пиво и жмурятся на солнышко. Забыл, что ему сегодня во вторую, и что мастер Сан Саныч-угорелый за это дело пошлет бетономешалку чистить; мужики в «козла» в слесарке будут, а ему или отбойничек от мастера или цементную пробку пробивать. Не думал обо всем этом Юрик. Ликующая свобода поселилась в его душе, весна среди жаркого лета.

– А в этом пивняке, вон, Тоня, она на недоливе работает. Пусть меньше – да лучше. Я так считаю. Тоня – свой человек, ее мужик каждые полгода в ЛТП отдыхает. А у вас как с этим делом?

Юрик вновь подмигнул.

И опять Юрику не пришло в голову, что немногословные собеседники и не спросили: с каким это таким делом? Будто они должны понимать его с полуслова, или уже понимают, о чем он.

Он раскупорил бутылку, плеснул в пустой бокал водочки на два квадратика, и спросил:

– Ну? Кто первый?

Молчание.

– Ну что ж. Я так я. Ну, за знакомство. Или мы уже? Знакомы?

Юрик задержался с бокалом, разглядывая физиономии собеседников.

Не понять: знакомы – не знакомы. А, ладно, главное – свои парни.

И он выпил.

– А как вас звать-величать? – шутливо спросил Юрик, отхлебнув пива и наливая вторую порцию. – Ну, кто из вас?

Те брать бокал не спешили.

– Ну, блин, какие вы одинаковые, – улыбнулся Юрик, – это ж если у меня резкость поплывет, это вас будет четверо. В натуре.

И он захохотал.

Те не смеялись, водку не пили, но были для Юрика свои, ближе некуда, чуть ли не его второе Я.

– Че, не пьете? Не употребляете, значит? Ну и правильно. Моя мамочка, жена в смысле, мне тоже не советует, – и Юрик в который уже раз подмигнул. – Значит, можно?

Близнецы кивнули, впрочем, без особого энтузиазма. Это вызвало в Хавчике взрыв воодушевления. На такой благоприятной волне он долил в бокал последнюю треть.

– Ну, мужики, вы классные мужики. Нет, вы, блин, не знаете, какие вы классные мужики. Вы меня слушайте, я вам говорю: вы – что надо! Я говорю!

Он энергично перелил в себя водку, запил это дело пивом,

шваркнул бокалом об стол и угрожающе-серьезно рубанул:
– Значит, так. Допиваем – и ко мне. Мамочка закусь сообщит, у нее всего, что надо. Вы же мне как родные, мужики. Я для вас – всё! Последнее!

Они брели тихой безлюдной улицей, лишь изредка громыхали грузовики; по одну руку тянулся непрерывный бетонный забор, внезапно обрывавшийся железными воротами с небольшой табличкой «Швейное училище», затем пошли гаражи, железнодорожные пути с тупиками и высокой платформой – разгрузочной площадкой плодоовощной базы.

Улица вводила в какую-то степь, среди которой, связанные утоптанными дорожками, торчали пятиэтажки с тонкими молодыми деревьями у краснокирпичных фасадов.

– Мой вон тот, – сообщил Хавчик, сделав неопределенный жест.

Но ему-то было ясно, что близнецы прекрасно его поняли и уже оценили и дом, и его преимущества – гастроном и пункт приема стеклотары.

– Мужики, значит так. Я сейчас сбегаю на разведку. А вы тут постойте, – говорил Хавчик у гастронома, – если все путем, я в окно крикну. Ну, я пошел.

Юрик ввалился в квартиру и ринулся открывать все двери подряд.

– Рая! Мамочка, ты где?

– Ты что, псих, готовый? Скотина. Попил пивка? И такой

на работу сунешься? Ну, вы видели – готовый!

– Да подожди, мать, какая работа! Я с такими пацанами пришел. Ты давай закусь на стол мечи, угостить надо, как надо. Ты упадешь – это такие ребята! Рая, надо посидеть. Раиса! Блин!

– Иди ты, знаешь куда, со своими друзьями! Пистон ходячий!

– Так, да? Ну, Раиса, ну ладно! Щас. Да что там! – сорвавшимся голосом выкрикнул Юрий и устремился к серванту, где лежали семейные деньги, сберкнижка, а в выдвижном ящике в шкатулке с вязанием – супружьино золото: колечко, сережки и брошь, всё доставшееся ей по наследству.

– Ты это куда? Ты это зачем? – опешила супруга.

– Не время сейчас. Потом.

– Не пушу, – Раиса загородила дверь и приготовилась благим матом орать «караул!».

– Я те дам «не пушу», стерва!

Юрик с такой силой толкнул жену, что она отлетела в коридор и, ударившись о стенку, тихо ойкнула и, насмерть перепуганная, опустилась на пол.

Юрик выбежал из подъезда, радостно размахивая сумкой с добычей:

– Порядок, братва! Гуляем! Мамочка дала добро!

Через три дня в райотделе милиции царило дружное веселье. Смеялись все: сменившиеся с поста пэпээсники, де-

журный по РОВД майор, катались от хохота опера.

Участковый, еле сдерживаясь, улыбался. Перед ним сидел помятый Юрий Хавченко, держа на коленях раздутый чемодан белого дермантина. Он требовал разобраться с близнецами-гипнотизерами, лишившими его семейной жизни. Повода для уголовного дела не обнаруживалось, для гражданского иска тем более, поскольку сам Юрий настаивал на чистой добровольности своих действий, без всякого на то поуждения или же просто предложения словом или жестом со стороны пресловутых близнецов.

Выходила такая история. Гражданин Хавченко в состоянии алкогольного опьянения вынес из дома совместно нажитые деньги и материальные ценности, оскорбив словом и действием жену, и спустил все это дочиста в компании с двумя неизвестными гражданами, с которыми познакомился в пивном баре. За что был изгнан из дому. В оправдание своих действий гражданин приводит объяснения мистического порядка. С его слов выходит, будто собутыльники, чье имя и приметы назвать затрудняется, кроме того, что близнецы, являлись гипнотизерами, чуть ли не колдунами, неизвестным способом отдавали ему роковые приказы мысленно.

Юрик горячился, чуть было не обложил представителей органов матом, однако рассказ его был подробный и на удивление связный. Но об одном он умолчал, не специально – сам даже не заметил, как умудрился забыть об этом.

Сегодня рано утром – где они были ночью после очеред-

ного ресторана, в аэропорту, на жд/вокзале? – итак, утром, в парке, у скамейки. Он сидел, они стояли над ним. И как-то жалко, как-то потерянно они выглядели. Почему оно так казалось?

– Вы чего это, мужики? – опешил Юрчик.

Ощущение счастья, бывшееся в нем, куда-то улетучилось. Волшебная радуга растаяла, что-то оборвалось в душе, что-то праздничное исчезло.

– Кто мы? – тихо, в общем-то, без интонаций, но внятно спросили близнецы.

Хавчик недоуменно пожал плечами. На ум пришло: «Какой хрен разница?» Но вслух не сказал, ему захотелось удержаться за какую-то случайную ниточку убегающее счастье. А близнецы развернулись и пошли прочь по аллее.

Все вдруг встало на свои места, мир вновь был прежним, обычным, за исключением того, что когда Юрик вернулся домой, в прихожей его ждал тщательно собранный чемодан с его, Юрика, вещами. С женой разговора не вышло, потому как инициативу на себя взял тесть. Тесть сказал:

– Бери манатки и катись отсюда.

– Куда ж я пойду?

– Хоть в общежитие, хоть на...

Юрик решил идти в ментовку, спасти семейную жизнь.

Глава вторая

Квартира, однокомнатная и неухоженная, принадлежала когда-то одинокой пенсионерке. Темные, давно не крашенные панели, потерявшие цвет обои, грязная старая плита, угрожающая сантехника, протекающие трубы.

Переехал он в эту квартиру недавно, в каком виде получил, то и принял. Как человек ответственный, Дмитрий всю мебель оставил жене. Но это неважно. Расставшись с женой, он вдруг остался один. Приходил домой, жарил картошку с тушенкой, ужинал и кормил той же картошкой кота. А потом ложился спать. Вставал, кормил кота, бил подвешенную в дверном проеме кухни боксерскую грушу, уходил на службу. Собственно, груша и кот были единственным совместно нажитым имуществом, которое он оставил себе. Грушу повесил сразу в день переезда, на этом изменения в квартире и закончились.

К своим двадцати восьми Дмитрий стал законченным опером, по складу души и образу мыслей. Ментовская работа была для него родной стихией, забывалось в ней напрочь все, ее не касавшееся.

О семье он старался не вспоминать, иначе посещала тоска, странная память об уюте, тепле, общих надеждах, которых на самом деле-то и не было. Может, тоска не об оставленной семье, а о той, которая представлялась ему, когда ухаживал

за Галкой, или в редкие минуты семейного покоя – тоска о несбывшемся.

Было уже поздно, горизонт налился темнотой, оставив лишь узкую синюю полосу, зажглись фонари. Дмитрий лежал на диване, слушал портативный приемник – передавали классику. Вечер вяло затекал в распахнутое окно и растворялся в духоте квартиры.

В голове плавали обрывки прошедшего дня. Так как события были совершенно ясны, то обрывки получались неясными, спутывались в различных сочетаниях, а смысла не обнаруживалось никакого.

Зазвонил телефон. Он стоял в коридоре на древней этажерке; беспокоили Дмитрия нечасто, он еще не успел привыкнуть к негромкому старому аппарату. И сейчас просто лежал и слушал. Телефон замолчал, но вскоре вновь ожил.

Дмитрий встал и поднял трубку. Это оказался Гера, школьный товарищ, приятель по школе милиции, куда вместе же и поступали. Полное имя Геры, немало поспособствовавшее закалке характера, расшифровывалось как Геракл. Но все остальное в биографии Геры было в полном ажуре – и его сразу после окончания милицейской школы взяли в Комитет Госбезопасности стажером.

– Не спишь, чегевара? – поздоровался Геракл.

Дмитрий обрадовался, с Герой он не общался уже года три, тот как-то так из стажеров ушел в большую таинственную жизнь спецслужбы, потеряв интерес к прежним прияте-

лям. Даже не то чтобы потерял интерес. Наверное, работа в Комитете оставляла не много времени на то, что не имело к ней отношения. И если ты не входил в круг интересов ГБ, то запросто выпадал и из круга интересов его сотрудников; а, может, Геракл был просто говнистым парнем. А потому вместо встреч, приглашений друг к другу в гости на семейный ужин, остались лишь телефонные звонки, потом и они рассосались.

– Привет, Гера, рад слышать. Что стряслось, старик?

– Почему обязательно стряслось? Может, я просто так, пообщаться?

– Не крути, Гера, я ведь тебя знаю.

– Знаю, что знаешь. Я к тебе сейчас подъеду. Не возражаешь?

– Возражений нет. И все-таки ты, Гера, говнюк. Сколько не звонил.

– Дела, – значительно произнес Геракл. – Дела творятся – обосраться можно, – уже с иной, скучной интонацией добавил Гера и положил трубку.

Хотя Дмитрий и охладел к школьному товарищу, но сейчас с интересом ждал встречи. В конце концов, это с Гераклом бегали они на танцы в музучилище и в институт легкой промышленности. В конце концов, это Геракл познакомил его с Галкой, студенткой по классу скрипки. А сам ухаживал сразу за двумя девицами из института, из-за которых случилась солидная драка – провожали аж на Запрудное, провожа-

ли и нарвались на местных. Двое против пятерых – Дмитрию такой воодушевляющий расклад понравился. Будучи более отвязного характера, чем Геракл, он взял на себя троих, оставив тому одного. Еще одного взяла на себя девица – тот оказался ее братом. Потом подвалили новые молодцы, и Геракл, выхватив из кармана точную копию ТТ, дурным голосом заорал:

– Лежать, суки, всех положу!

В его голову тут же прилетел кирпич, и Дмитрий тащил на себе раненого Геракла до автобуса, потом сдал в травмпункт.

Гера явился какой-то вялый и помятый. Тем не менее, с интересом оглядел квартиру и скептически заметил:

– Да, брат, опускаешься. Я в курсе твоих дел, ты не думай. Но жить в таком сарае нельзя. Хочешь, дам телефончик – приятная девка, в твоём вкусе. Мигом поднимет тонус. И вообще...

Геракл закурил у окна, уставившись в ночной мрак, сгущаемый тусклым фонарем подъезда.

– Дерьмо все. Было, есть и будет.

– Гляжу, научился ты на умняк падать.

– Жизнь учит, будь она неладна.

– Чаю или покрепче будем?

– Иди ты с чаем. Я с собой прихватил, «пять звезд», как у благопочившего Генсека. Помнишь анекдот про «пять звёзд»? Нет? Это когда вампиры поймали Брежнева, отрезали голову, и один говорит: что, вот так, из горла? Нехорошо,

всё-таки «пять звёзд»!

Дмитрий наскоро настрогал мелкими ломтиками подсохшего черного хлеба, крупными – два плавленных сырка; порывшись в холодильнике, извлёк и открыл банку дефицитных шпрот. Отнес все это в комнату, где возле дивана на трех шатких ногах стоял старый этюдник. Дмитрий откопал его в кладовке, внутри этюдника были только ссохшиеся тубы масляных красок. Этюдник использовался в качестве обеденного стола, чтобы не отвлекаться от телевизора, лампового черно-белого «Электрона», смотреть который можно было, только потушив свет. Кот Тимур тут же изловчился похитить сырок и, заныкавшись в углу за телевизором, с урчанием принялся за ужин.

Гера выставил коньяк, «самтрест»:

– Куда насыпать, чегевара?

Дмитрий принес покрытую пылью нераспечатанную коробку со стопками чешского хрусталя, они выпили за встречу.

– Ну, рассказывай, как живешь? – спросил Гера. – Чего с Галкой поцапался? Хорошая баба, хозяйка.

– Не заладилось что-то. Сперва я ей доказывал, что умный. Потом она. Не знаю. Понимаешь, Гера, какая штука, если бы знал, то все бы наладил. Наливай. Между первой и второй...

– Помнишь, как потащила нас на концерт, в училище?

– Ну?

– А ты заснул. Храпел. Она на скрипке солирует, а ты храпавицкого.

– Да, смешно, конечно.

– Нет, брат, это тебе смешно, а женщины все помнят. Так что мотай на ус.

– Ну ладно, будет. Ты-то что? Уже майор?

Гера вздохнул. Наполнил стопки. Приглашающе кивнул. Выпили.

– В судьбу веришь? – спросил он.

– Ты бы еще спросил – верю я в бога?

– В бога не знаю, в судьбу?

– Наверное. Знаешь, меня ведь контузило, год назад. Да, точно, год.

– Рассказывай.

– Ночное дежурство. Вызов из частного сектора – один псих, кстати, числился в розыске, сожительствовал с гражданкой, допился и по пьяни зарезал ее отца и брата. Она как-то вырвалась, а псих заперся в доме, пустил газ, да еще разлил канистру бензину. Прибыли на место, я и Володя Шлопов. Сунулись, а этот орет – не лезь, взорву. Ну и взорвал. Володька впереди шел, всего два метра между нами было – его убило. А меня контузило. Не помню ничего, говорят, я прям на улице встал и давай в небо из своего ТТ шмалить. Салют, значит. Вот такая судьба, Гера, шел бы я первым – он бы салютовал, а меня – в цинк и ногами вперед...

– Видишь, какая история неприглядная. Ну да, мне не сла-

же. Не быть мне майором теперь.

– Залетел?

– Если это судьба, то чем-то я этой стерве сильно не понравился. Дай папиросу.

– «Мальборо» зажимаешь? – улыбнулся Дмитрий.

– Да пошел ты! – рявкнул Гера и швырнул свое «Мальборо» об этюдник. – Можешь курить.

– Не мечи икру. Что там у тебя с судьбой, выкладывай.

Гера поведал странную историю.

Давеча возвращался он домой после встречи со студентом института легкой промышленности. У них там в институте назревало что-то вроде диссидентского кружка – какую-то газетенку готовили; какой-то диспут-клуб. В общем, сопли, конечно, но дали в разработку – изволь, поработай.

Студент при первом же свидании в штаны наложил, бумагу подписал, кличку принял, а толку ноль. Подсовывал Гере какую-то липу, чего-то крутил.

Итак, Гера шел домой с неприятным чувством: для отчета начальству ничего «такого» агент снова не сообщил.

По дороге, кстати, попался пивняк. Решил рвануть пару-тройку кружек, восстановить резкость.

Уже собрался уходить, как появляются эти двое. Вежливые. Показалось ему, – парни из наружки, даже припомнилось, будто встречались на каком-то собрании. Гера, сам не зная как, выложил им всю закрытую информацию об агенте и их гребаном кружке. Вчистую агента засветил. Те сочув-

ствовали, кивали, но ведь, бляха-муха, ничего не говорили, а он разливался соловьем. И откуда он взял, что студентика надо дожать? Показалось, будто близнецы посоветовали – так взяли и сказали: «А ты его дожди. Что с ним сделается?» И такая шиза накатила, что прямо втроем поехали к студенту на дом, в нарушение всех мыслимых инструкций.

Он вызвал студента на улицу, под грибок, и там дожал. Дожать его было легко. У Геры имелась информация – юноша замечен в гомосексуальных связях, имевших место в общественных туалетах. Гера так и сказал: «Или ты, пидор, сейчас и здесь излагаешь все, и письменно, или завтра... нет, сегодня, о тебе всё будет знать ректор. И в справке об отчислении будет указана причина. Воображаешь формулировку?» Здесь Гера стал дико, нервно хохотать, что тоже было очень странно. Студент плакал, писал под диктовку Геры донесения, но все было не то, и эти бумажки Гера тут же рвал, приговаривая: «Настоящее давай, сука, настоящее...» А потом плюнул, зловеще прошипел: «Вешайся, гнида», развернулся и пошел к тем двоим, а они все это время на лавочке сидели. Только Гера к ним, мол, как я, здорово провел работу? – те встали и ушли, только их и видели.

Той же ночью студент повесился. И записочку, паскуда, оставил. И началось для Геры страшное – начальство на ковер, служебное расследование, временное отстранение от дел, вопрос о соответствии занимаемой должности...

Гера рассказывал, а Дмитрий смотрел на него и думал, что

надо же – эдакая сволочь друг детства, а все-таки друг, и он, Дмитрий, сидит, слушает; а тот рассказывает такое, что никому и никогда. Но что-то тут есть неуловимое, что-то темное-темное, глухое, как последний «глухарь». И вот из-за этого чего-то неуловимого ему жаль подлеца Геру. Влип Гера во что-то гадкое, как и тот гегемон, что прибегал к ним в отделение с заявой на близнецов-гипнотизеров. Сказать или не сказать? Для Геры это важно, может пригодиться.

– Знаешь, Гера, ты не первый.

– Ну и что, что не первый. Не первый и не последний. Только почему я? На кой оно мне?

– Я об этих близнецах. Засветились они уже в пивняке.

– В каком пивняке? – мгновенно собрался Гера.

– В «Ивушке», под вербой.

«Ивушкой» пивняк окрестил народ, так у оперов она и называлась.

– Сходится. Павильон «Пиво», от гастронома «Душанбе». Ты давай, рассказывай.

– Да, хватка у тебя. Говоришь, близнецы – из вашего Управления?

– В том-то и дело, что нет у нас таких.

Гера это выяснил сразу же после «залета», близнецы из «наружки» – обстоятельство редкой примечательности.

Дмитрий рассказал историю пролетария Хавченко.

– Заявление у него взяли? – быстро спросил Гера.

– Да ты что, какое заявление? У нас все покатом лежали.

– Зря. Найти его можно? Впрочем, не надо, не твоего ума это дело. Так говоришь, покато́м лежали? Так смешно?

– Мне не очень. Что думаешь делать?

– Что делать? Зря все это я тебе рассказал.

– А че так?

– А так – не твоего ума это. И не обижайся, потому что и не моего тоже. Я так думаю – эти двое оттуда, – Гера показал пальцем в потолок. – Прибыли отрабатывать чего-то. Слыхал про такие штуки – психотропное оружие, электронное оружие?

– Так, краем.

– Напи́скали в бокал отравы или распылили в окрестностях боевую химию. Или навели электронный пучок из-под стола. Поэтому я попрошу тебя обо всем этом никому не говорить.

– Ладно, чего там.

Дмитрий сходил на кухню, принес бутылку водки.

– Нет, знаешь что, я пойду. Поздно уже, – поднялся Геракл.

– Завидую я вам, никакой гаишник не тронет, сколько ни пей.

– О нашем разговоре никому ни слова, понял? Прощай... чегевара.

Гера ушел. Дмитрий закрыл за ним дверь и усмехнулся – да, дела. Судьба, иначе не скажешь. Надо же – свела на таком темном деле. Если бы Гера пришел раньше, до того работя-

ги. А теперь получилось нехорошо, оба они выложили друг другу лишнюю информацию. Для Геры я стал нынче неудобен. Впрочем, неудобным стану, если начну разрабатывать близнецов. «А на кой они мне?» – Дмитрий хмыкнул. В самом деле, зачем они ему? Партия сказала надо – комсомол ответил есть. Гера хоть и друг, а вполне официально высказался – не лезь.

Он подошел к груше и пару раз от души саданул по ней.

Глава третья

Сегодня, перед утренним разводом профорг лейтенант Инесса раздавала месячные талоны на птицу, масло и яйца, которых город на прилавках магазинов давно не видывал. С приходом нового Генсека этот важный ритуал обрел регулярность. Вторым важным следствием смены лидера оказалось то, что оперативников принялись отвлекать в рабочее время на бессмысленные рейды по кинотеатрам и местам отдыха граждан. От последнего, кто хотел, быстро научился косить, заменяя себя дружинниками, которых уже официально приходилось отрывать от работы.

Выйдя из кабинета Инессы, Дмитрий, как обычно, оторвал половину «масляных» талонов и протянул приятелю, лейтенанту Савелию Комлеву. Тот, как обычно, попытался отказаться. Но двое детей – не откажешься.

На разводе Дмитрию достался рейд по четвертому марш-

руту трамвая. Поступили данные, что сегодня на «резине» будет работать некто Вася Зелёный, щипать пассажиров. Чем не угодил органам Зелёный, Дмитрию было понятно. Оперативники прекрасно знали, что у начальства с ворами вась-вась, и если уж поступило такое задание, значит, пресловутый Зелёный сунулся на чужой маршрут без согласования с участковым, или с кем повыше. Видно, придавило беднягу – карточный долг поджигает, или влюбился.

День выдался душный. С самого утра солнце принялось поджаривать город, запекая пассажиров в железных коробках трамвайных вагонов, как яблоки в утках. Дмитрий с двумя понятыми колесил по четвертому маршруту уже битых три часа, а щипач Зелёный все не попадал в поле зрения. Трамваи шли полупустые, а зачем профессионалу полупустой трамвай? Он ждет себе в тенечке, когда работяги повалят во вторую смену на завод точного машиностроения, номерное предприятие. Тут и настанет его звёздный час – вырежет «лопату» у солидного фраера. Все это напоминало Дмитрию популярный сериал «Место встречи изменить нельзя», только там хотели найти, а он просто тянет лямку.

Трамвай пересекал площадь Революции, когда Дмитрий увидал в окно двух девчушек-близняшек. Они шли по обе стороны от мамы мимо магазинов, заглядываясь на витрины с пирамидами консервированной морской капусты и сухой молочной смеси «Малютка», с плохо одетыми манекенами и рулонами тканей неброских расцветок.

Дмитрию вспомнился недавний визит Геры: «Вот же, интересными делами занимаются люди, а ты тут как последний чудака».

– Значит так, ребята, – скомандовал он понятым, сотрудникам их же РОВД – девушке из машбюро и связисту Сане, – если обязуетесь хранить молчание – сейчас расходимся, и встречаемся, – он глянул на часы, – в четырнадцать тридцать на «пяточке». Понятыми, если что, пассажиров привлеку.

Молодые люди с готовностью дали самое честное. Девушка из машбюро глянула благодарно, улыбнулась, и даже показалась Дмитрию вроде как симпатичной.

– Не сомневайтесь, Дмитрий Игоревич, – крикнул Саня из дверей вагона, – не засветимся!

Дмитрий, конечно, знал, где вероятнее всего будет работать Зелёный – три самые людные остановки, включая «Пролодную» завода. Поэтому с легким сердцем вышел там и устроил себе небольшой пикник с мороженым и минералкой.

В общем, не поймал он Зелёного. То ли наковка ложная была, то ли у Зелёного тоже источники информации имелись.

А после обеда начался аврал. Всех офицеров собрал в «красном уголке» замполит и огласил ЧП – пропала дочь первого секретаря горкома партии. Известно, что дома не ночевала, а вчера утром вроде видели с приятелями на «Волге», что из гаража обкома, номер такой-то. Взяли на пять

минут покататься. «Так, не понял. Отставить ухмылки». Поэтому все переводятся на круглосуточное дежурство, и отслеживать, рыть носом, и если вдруг кому повезёт, если что узнаете, в первую очередь доложить мне, лично. Самостоятельных действий не предпринимать, и никакого трепя. Нам лишние слухи не нужны.

– Петр Семенович, – спросил кто-то из отдела экспертизы, – если ничего не предпринимать, как найдёшь-то?

– Вы, товарищ лейтенант, меньше спрашивайте и больше слушайте. У вас голова, а не кочан капусты, – пояснил замполит и, так как никакого плана поисков не было, отпустил личный состав.

Дмитрий в числе прочих поставил отметку в журнале дежурств, они с Савелием запрыгнули в ПМГшку и укатили на опорный пункт номер три, что на заводе ЖБК.

На опорном, конечно, было душно, и совершенно нечего делать. Устроились в меньшей, где находились два распахнутых окна и хоть какой-то ток воздуха, комнате. Дмитрий предложил Савелию в картишки, но после двух-трех партий «подкидного» мозги у обоих сделались совсем ватные.

Время от времени подъезжала очередная дежурная ПМГ-шка, набитая то нетрезвыми гражданами, употребившими, презирая жару, немало водки, то мелкими дебоширами, в общем, привычным контингентом. Во второй комнате опорного еще с утра маялась под присмотром сержанта достав-

ленная дружинниками группа школьников, неудачно сходивших на дневной сеанс.

Дмитрий с Савелием высунулись посмотреть: есть ли чего занятного? В другой комнате окон не было, висевшая на проводе под потолком лампочка, казалось, изливала вместе с тусклым светом духоту. Школьники выглядели бледно.

– Отпустил бы ты их, сержант, – предложил Дмитрий.

– Зачем же вы, орлы, с занятий бегаєте? В кино сходили? – поинтересовался Савелий.

– Так точно, – ответил за школьников сержант. – Только отпустить Анатолий Петрович не разрешил. Ему надо, для отчётности.

Анатолием Петровичем звали участкового, который, скорее всего, под видом обхода занимался личными делами.

– Так какого хрена они здесь сидят? – удивился Савелий. – Кино когда закончилось?

– Да из школы всё никак не явятся. Ни завуча, ни директора.

– Так, орлы, – обернулся к школьникам Савелий. – Дуйте отсюда, чтоб я вас не видел.

И распахнул дверь комнаты.

Те не заставили ждать. Даже спасибо лейтенанту не ска-зали.

– С Петровичем мы договоримся, – пообещал сержанту Дмитрий.

Они вышли на крыльцо, размышляя, чем бы себя занять.

Подъехал очередной «луноход», он же патрульная машина, и здоровенный усатый старшина-хохол выволок щуплого парня лет двадцати пяти, интеллигентного вида, в джинсах и расхристанной рубаше. Невооруженным глазом было видно, что юноша пьян и еле на ногах держится. На плече у юноши болталась черная сумка. Парочка смотрелась забавно.

– Смотри, Савелий, твой клиент, – толкнул приятеля Дмитрий.

– В чем дело, старшина? – спросил Савелий. – Нарушал? Дебоширил?

– Не, товаришш лейтенант, – заулыбался тот. – В кабаке, прям за столом дрых.

– Что в карманах, ничего запрещенного?

– От, – старшина вытащил из кармана связку ключей и кошелек.

– На каком маршруте?

– Третём.

– Теперь давайте по пятому.

– Эге, – старшина кивнул, отпустил юношу и полез обратно в «луноход».

– Вперед, молодой человек, – ободряюще хлопнул молодого человека по спине Дмитрий.

Они зашли в маленькую комнату. В сумке обнаружились восемь пустых, источавших характерный запах, бутылок из-под пива и одна полная бутылка 777-го портвейна.

– С приятелями принимали, потом решили в кабаке до-

бавить?

– Ну, – ответил юноша.

– Документы есть? – поинтересовался Савелий.

Юноша долго шарил по карманам джинсов. Наконец добыл пачку фотографий и протянул Савелию.

– Вот.

– Что вот? Гляди, Дима, семейный человек, а уже алко-навт. Жена?

– Жена и дочка.

– Сколько дочке-то?

– Шесть месяцев. Отпустите меня, товарищ начальник. Недосыпаю. Заснул, ну что здесь такого? Я ж не нарушал?

Юноша продолжил шарить по карманам.

– Вот! У меня комсомольский билет есть.

– Еще и комсомолец, – зловеще произнес Савелий и взялся за бумагу и перо. – Значит так. Где трудимся?

– В КБ номер семнадцать, – убитым голосом произнес юноша.

– Должность?

– Ведущий инженер.

– Даже ведущий, – тем же тоном прокомментировал Савелий и нарочито пристально посмотрел на задержанного.

В разговор вмешался Дмитрий, который доселе спокойно сидел с папироской у окна да стряхивал пепел за подоконник.

– Блин! Молодой человек, ну че тебе не хватает? Рабо-

та хорошая, в закрытом учреждении. Небось, премиальные имеешь за всякие там внедрения? Жена молодая, ребенок симпатичный – зачем бухать-то?

Юноша виновато вздохнул и ничего не ответил. Савелий продолжал гнуть своё:

– Значит так. Сейчас направляем вас в вырезатель – и письмо руководству предприятия. Так, мол, и так...

– Не надо письмо! Пожалуйста, – взмолился задержанный. И неожиданно твердым голосом добавил:

– Готов уплатить штраф.

Савелий улыбнулся.

– Не положено, вообще-то, – и сделал паузу.

– Сколько? Я заплачу.

Молодой человек почувствовал, что попал в нужную струю.

Савелий взял комсомольский билет и многозначительно постучал ногтем по обложке:

– Видите, какого цвета?

– Красного, – юноша несколько секунд соображал. – А! Понял. Червонец?

– Держи, – пододвинул ему вещи Савелий.

Юноша раскрыл кошелек и с радостным восклицанием: «Как раз одна осталась», – вручил Савелию десять рублей.

– Может, тебя до дому подвезти? – предложил Дмитрий. – А то еще по дороге снова к нам попадешь.

– Сам дойду, – гордо ответил юноша, – мне здесь недалеко.

ко.

– Ну, иди, орел, – отпустил его довольный Савелий. – Эй, сумку заberi. Только сегодня портвейн-то не пей. Оставь на завтра.

Тот вышел, Савелий вопросительно глянул на Дмитрия.

– Берешь половину?

– Я же сказал – твой клиент.

– Понял. Тогда с меня пиво.

– А это можно. Пошли, а? Чего тут сидеть? Скажем – наркоту пошманаем.

– Правильно. Эй, сержант, Петрович когда подойдет?

– Да вот должен уже...

– Ну ладно. Ты че там паришься? Заходи сюда. Значит, сообщи Петровичу, что мы здесь останемся на ночь, на дежурстве. А сейчас пойдем в ДК, на дискотеку. Если кто из начальства появится – мы на операции. А где-то в одиннадцать-двенадцать, в общем, ближе к ночи, подойдем. Записал?

– Так точно.

Они прогулялись в заводскую столовку, взяли по бутылочке пива и гуляш. После гуляша пошли на речку, там, в тени, у журчащей воды попили пивка.

Вечерело, духота отступила, и можно было начинать импровизированный рейд.

В городе имелось до смешного мало мест молодежного досуга. Официально все эти дискотеки не одобрялись, а меж-

ду тем росли как грибы – при заводах, фабриках и институтах. Дискотека при ДК ЖБК, на молодежном жаргоне просто «жаба», считалась фешенебельной дискотекой. Невзирая на отдаленность от центра, любила золотая молодежь «жабу» – за маленький уютный зал, оснащенный всеми необходимыми прибабасами: шикарной цветомузыкой, зеркалками, мигалками, кварцевыми лампами и языкастым диск-жокеем Стёпой. Входной билет стоил дорого – пять рублей. Местная рабочая молодежь дискарь не посещала, но любила толпой подкараулить завсегдатаев, естественно, с достойной целью учинить побоище. В побоищах с равным удовольствием участвовали обе стороны, как «грибы», так и «мажоры».

Дмитрий и Савелий появились на «жабе» около девяти вечера. Под стенами клуба отдыхали от скачек несколько подростков, покуривали, вяло общаясь, но смачно матерясь.

Сперва осмотрелись в предбаннике с широко распахнутыми дверями в зал. За столиком шла бойкая торговля соком. Девушка-буфетчица предлагала на выбор два вида яблочного сока, оба в одинаковых кувшинах и одинаковые на цвет: двадцать копеек стакан и семьдесят. Большинство брало тот, что за семьдесят. Взяли этого сока и оперативники. Оказалось – «сухарь», причем разбавленный водой чуть ли не наполовину.

– Ныряем? – предложил Савелий.

– Только танцев не надо.

В зале горели кварцевые лампы. Лиловый свет выхватыва-

вал ослепительными пятнами лишь светлые детали интерьера, как то: зубы, белки глаз и фосфорически-белые рубашки танцующих. Перекрывая ликующую «Феличиту», надрывался диск-жокей Стёпа, нёс он, по правде сказать, сущий бред. Опера примостились у стеночки, послушать кто, что, о чем.

Ждать пришлось долго. Выпитый «сухарь» уже успел выйти десятым потом, когда наконец-то прозвучало слово «косячок». Трое подданных парней вывалились в предбанник, а оттуда на улицу.

Детки зашли через широкий пролом в заборе на территорию ЖБК и, не особенно таясь, обсуждали детали предстоящего дела: что за зелье – «драп» или «маца»?

– «Маца», конечно, за кого ты меня держишь.

– А откуда?

– Индийская конопля.

– Не гони, Воха, откуда индийская...

Воха уже разминал в руке косячок, когда Савелий резко вырулил из-за забора и схватил его за эту самую руку, плотно зажав между ладоней.

– Так, чем мы тут занимаемся? «Пыхнуть» решили? А ну, пошли на свет.

Вся троица послушно вернулась к входу, под яркий свет фонаря.

– Дима, проверь у этих карманы, – деловито распорядился Савелий. – Ну, молодые люди, сразу расскажем – где брали, у кого, как часто употребляем наркотик?

– Да мы здесь вообще ни при чем, – сообщил приятель Вохи. – Мы даже спиртного не употребляем.

Дмитрий уловил интонацию высокомерного презрения. Пробежал взглядом по юнцу – бритые виски, косой чубчик, джинсы обвешаны разнокалиберными английскими булавами и буржуйскими брелочками. «Да, детки козырные». Наконец-то, впервые за весь этот тягучий, душный и бестолковый день он ощутил прилив воодушевления.

– В самом деле? А лет сколько? – поинтересовался он.

– Лет – шестнадцать, – сообщил молодой человек.

– А перегар откуда?

– Бутылочку пивка выпил, что такого? – так же вежливо-нагло отвечал тот. – А наркотики, товарищ, мы ни-ни. Нам комсомол запрещает.

– Это он курить хотел, – ткнул в сторону Вохи второй приятель. – А мы просто за компанию вышли, свежим воздухом подышать.

– Одну минуту, Славик, – Дмитрий взял парня под локоток.

– Только без рук, пожалуйста, – успел сказать тот, когда Дмитрий, заломив ему руку за спину, повел за забор.

Разбираться – с уликами или без оных – с сынком высокопоставленного папаши было, конечно, чревато неприятностями. Но в Савелии Дмитрий не сомневался, если что – прикроет. Поэтому, поставив оболтуса перед собой, с легким сердцем зарядил ему два раза в грудь. Юноша стукнулся

спиной об забор и, неожиданно перейдя на шепот, попросил:

– Не надо. Пожалуйста.

– Дуй отсюда, козёл, – приказал Дмитрий. – Вот туда.

Он указал в сторону корпусов завода.

– Хорошо, я понял, – прошептал тот и канул во мрак.

Дмитрий выждал пару минут и, вернувшись обратно, поинтересовался у первого вохиного приятеля:

– Что ты мне про комсомол заливал? Может, ты и нашу партию не любишь?

Наверное, юноша вообразил, что его дружбан уже валяется избитый под забором, поэтому лишь сглотнул слюну и ничего не ответил.

– Значит, утверждаешь, наркотики не употребляем? А приятель утверждает обратное. Готов изложить письменно.

– Честное слово, – обрел дар речи юнец, – в первый раз попробовать решили. Честное слово.

– В первый раз, говоришь? – улыбнулся Дмитрий. – А ну, пошли на очную ставку.

Он хотел взять парня за руку, но тот с неожиданной прытью вырвался и стремглав ринулся наутёк. Савелий захохотал. Успокоившись, предложил:

– Давай, Дима, хоть этого в опорный доставим.

– Далековато. Давай машину вызовем – пусть в отделении разбираются.

– А из опорного ко мне, поужинаем. Вот, смотри, что у этого караса в кармане, – Савелий повертел в ладони неболь-

шой пакетик с белым порошком. – Небось, не «косячок», а? Если в отделение – тут же папик хватится, отмажет. А так – спокойно поработаем, протокол составим...

– Понял. Повели.

И, взяв незадачливого Воху с двух сторон под руки, двинулись в сторону опорного.

Со слов задержанного выяснилось, что в пакетике – кокаин, редкий наркотик, экзотика. Воха стал борзеть, угрожать папахеном, который оказался заместителем прокурора области. Ему объясняли, что с таким вещдоком может не поздоровиться и родителю. Вот если бы он возглавлял областную милицию, тогда да, можешь борзеть, а так будем посмотреть.

На столе лежала оперативная сводка. Дмитрий изучил список лиц, взявших поиграться машину из гаража обкома партии, и спросил:

– Как, говоришь, твоя фамилия?

– Куроедов.

– Владимир Куроедов, – прочитал по сводке Дмитрий. – А не вы ли с друзьями вчера утром угнали машину, государственный номер три нуля семь?

– Не угнали мы, а покататься с Лёвой взяли. Ленка Зверева на море захотела.

– Это которая дочь «первого»? – оживился Савелий.

– Ну да.

– Эх, Димыч, вот пруха нам сегодня! Слушай, мудака, – предложил Вохе Савелий, – давай, рассказывай подробно,

где там они сейчас на том море, а мы протокол вместе с порошочком аннулируем, сжигаем на твоих глазах. И иди на все четыре стороны.

– Правда? – обрадовался задержанный.

– Ты советским органам не доверяешь?

– Ну, в общем, на дачу в Рыбацкое они собирались с Лёвой. Любовь у них, – цинично ухмыльнулся Володя. – Только я вам ничего не говорил. Папахен у нее грубый – жениться Лёву заставит.

– Лёва – это Александр Леваков? – уточнил по тому же списку Дмитрий.

– Ну да.

– А у него кто родитель? – спросил Савелий.

– У него мать завунивермагом.

– Тогда заставит... Адресок дачи помнишь?

– Да там, в Рыбацком, она одна такая – двухэтажная.

– Смотри, Володя, мы свое слово держим, не обмани.

Савелий неторопливо порвал протокол, бросил обрывки в пепельницу, сверху высыпал порошок и, поставив на подоконник, поджег.

– Иди, негодяй, отдыхай, – пожелал напоследок юноше Дмитрий.

Тот поднялся, повел плечами, вытер ладони о джинсы, улыбнулся иронично.

– А вы – мужики что надо. Как в кино американском. «Жара в Лос-Анджелесе», на видике. Видели?

– Куда нам.

– Ты ступай.

– Ну, я пошел.

– Да иди уже! – рявкнул Савелий.

Когда Воха наконец убрался, спросил:

– Какие наши действия? Замполита поднимать?

– Нет. Позвоним товарищу Звереву. Пусть девочку замуж выдает, сколько можно из-за семнадцатилетней кобылы личный состав во все дыры долбать. Сегодня она с Лёвой, завтра с Петей...

– Да иди ты.

– А че? Мысль интересная. Анонимный звоночек устроим. Он, конечно, в Рыбацкое референта пошлет с водителем. Все шито-крыто. Парня вот немного жаль – только жизнь начинается. Ну, тут головой нужно думать, а не головкой...

– Я не согласен.

Дмитрий и в самом деле не прочь был устроить такой звонок, но дело понятное – приятелю третью звездочку на плечо тоже получить хочется. Только он, на самом деле, ситуацию неправильно понимает, случай ведь не тот. Затаиться надо и молчать – скорее эту звездочку получишь.

– Да прикалываюсь я, – хлопнул он друга по плечу. – Хочешь, звони замполиту. Только потом не удивляйся. Не Лёву, а тебя раком поставят.

– Да? – обескуражился Савелий.

– Отвечаю.

Незадачливый Савелий лихо плавал только в штатных ситуациях, как вот, скажем, с давешним ведущим инженером. Большая политика была ему не по зубам. Но другу доверял.

– Тогда что – ко мне? Люба тебя любит.

– Ты смотри, скаламбурил, как поручик Ржевский. А не поздновато – час ночи?

– Ничего. Я ж говорю, она тебя любит.

После ужина, в ночь глухую, их опять понесло на опорный. Устроились на стульях и так перекантовались до утра. А часов в шесть позвонили из отдела и дали отбой. Нашлась дочурка.

После этого оба вырубились мертвым сном, и проснулись около десяти. Разбудил их участковый Анатолий Петрович, пожилой нагловатый капитан. Оказалось, что ему надо работать с населением. «И так уже битый час народ на улице держу из-за вас». Народом оказалась пенсионерка, пришедшая сигнализировать на пьяницу-соседа.

– А давай по пиву серьезно вдарим? – предложил Савелий. – У нас же вроде теперь как выходной?

– Щас же. Дежурство организовывал замполит, значит, начальство это во внимание не примет.

– А мы в журнале за наряд расписывались.

– Тоже правильно. Совсем башка не варит.

– Вот и я о чём говорю. Поэтому дорога у нас одна. Да и обещал я проставиться за инженера.

– Уговорил. Поехали. А куда?

– А я знаю куда.

– Ну, рули, командир, раз знаешь. У меня башка – я уже докладывал...

Прибыли они, естественно, на «Ивушку», единственный на районе приличный пивняк.

– Ого, уже очередь, – удивился Савелий. – Вот тебе укрепление трудовой дисциплины. По сколько брать будем?

– По два. Для рывка. Слушай, странно, вчера по городу ездил – никаких очередей.

– Так это ж «Ивушка», место тихое. Наш брат редко шматнает.

– Не объяснение. Ты иди, бери. Знаешь что, корочку покажи, а то сил ждать нет.

– Само собой...

Они сосредоточенно сосали пиво, хмуро ожидая расслабухи. А тогда можно будет закурить, повторить, а там, чуть подальше, и пельмешков взять – их пока все равно не завезли.

Стояли и пили, не глядя ни друг на друга, ни вокруг. Наконец Дмитрий отставил кружку, вынул папиросу и, прикуривая, огляделся. «Это они, – ясная, как будто пришедшая со стороны мысль, посетила Дмитрия – по дорожке между рядами столов шли двое. – Близнецы».

Словно услышав его мысль, близнецы разом посмотрели на Дмитрия и повернули к ним. Ноги у опера сделались ватные. «Драпать надо», – подумалось ему, и он перестал что-

либо соображать.

А двое, между тем, подошли, и кто-то из них, — а может, оба, — глядя в глаза, спросил:

— Извините, можно вас потеснить?

Савелий не успел поставить кружку, а близнецов уже вязали подскочившие от соседних столиков люди в штатском. Один небрежно провел перед носом оторопевшего Савелия красной корочкой:

— Не вмешивайтесь, товарищи.

Через минуту близнецов затолкали в «жигуленок», скромно стоявший на противоположной стороне улицы, и тот резво взял с места. За ним, выскользнув из проулка, рванули две черные «Волги».

— Это чего было? — ошалело спросил Савелий.

Дмитрий его не расслышал. Он смотрел вслед удаляющейся кавалькаде и, отвечая не на вопрос приятеля, а на что-то своё, произнес:

— Они.

— То, что гебисты — я разглядел. Я вообще...

— Гебисты? Нет, это я о другом... Ну что, раз такие дела — возьмем еще?

— И водочкой заполируем.

— Замётано.

Глава четвертая

Этой же ночью явился к Дмитрию Геракл, без звонка, за полночь.

Отдохнуть днем Дмитрию не дали. Около двух он пришел домой и сразу завалился спать. А в полчетвертого позвонили из отделения, вызвали на службу – отдежурить до десяти вечера, за отгул.

Вернулся около одиннадцати, включил телевизор, лег – и вырубился.

Гера звонил, наверное, долго, потому что первая его фраза была: «Чего не открываешь?»

Зашли в комнату. Гера посмотрел на мельтешение «снежинок» пустого телеэкрана, вновь спросил:

– Чего не открываешь? Спишь, что ли? – и сам выключил телек. – Ну, докладывай, как оно?

Дмитрий зевнул, почесал живот. Попытался собраться с мыслями, но все как-то плавало в голове, не хотелось стоять на ногах, даже сидеть не хотелось – тем более думать, сообщать, о чем это говорит Гера.

– Чего молчишь? Что, никаких вопросов ко мне нет? – с некой настойчивостью спросил Геракл.

– Служба достала.

– А... дочка «первого» и вас достала?

Дмитрий посмотрел на часы.

– Понимаю, – перехватил его взгляд Гера.

– Только сменился. Спать хочу, как черт.

– Слушай, друг, давай чаю? Крепкого чаю. Да пошевелись, я же к тебе в гости пришел. Поговорить надо. Какой-то ты вялый, чегевара. С чего так, а?

– А чего мне? – неопределенно спросил Дмитрий, ставя чайник на плиту.

– Сухой чай жевать пробовал? Помогает. Или крепкой заварки хлебни.

– Заваривать надо. Я в кружке завариваю.

Дмитрий присел на единственный в кухне табурет. Гере не было куда присесть, поэтому он оперся на подоконник.

– Нас тоже на уши поставили с этой Зверевой. Молодежь нынче наглая – мы одного парня, с которым они кататься поехали, нашли быстро. Ох, наглый. Уперся рогом – я с ними, говорит, всего десять минут катался, так что куда потом поехали, не знаю; я, говорит, думал – уже по домам сидят. И все ведь врет, собака.

– Тебе покрепче заваривать? – спросил Дмитрий.

И вдруг вспомнил наглого Воху:

– То не прокурорский сынок?

– Откуда знаешь? – удивился Гера.

– Да так, в оперативке было.

– Это ты просто угадал – там их в машине пятеро было, сынков. Ну, предположим. Слушай, дочка эта нашему «первому» – такая головная боль: спит с кем попало, лярва.

Гера несколько преувеличил и исказил подвиги девушки. Спала она не с кем попало: был у нее раньше один – одноклассник, первая любовь. Лёва оказался второй любовью. Подвиги ей нравились другого рода – обожала подбить пацанов из компании на какую-нибудь серьезную пакость. Поскольку «мажоры» – ребята расчетливые, то всякий хотел видеть себя зятем товарища Зверева и выполнял прихоти юной принцессы с энтузиазмом.

– А знаешь, где мы их разыскали?

– В Рыбацком, – сказал Дмитрий без всякого выражения.

– Что-о? А это ты откуда?.. Ну, предположим. В общем, девочка-колокольчик – уединилась с очередным. Такое вытворяли – ночью голяком на берегу вытанцовывали...

– Так ведь ночью же.

– А очередной приятель не кто иной, как...

– Сын заведующей ЦУМа.

– Ну, ты даешь. Давай, колись, чегевара, откуда источники?

– Не буду колоться. На, пей, готово.

Гера принял кружку, попробовал – горячо, и отставил на подоконник. Больше к ней так и не притронулся. Дмитрий взял свою, стал пить частыми мелкими глотками.

– Бабы, дружище, они все такие. Я тебе, между прочим, завидую, захотел – развелся. Я б, может, тоже развелся – партийность не позволяет. Я недавно Томку встретил – твоя Галка уже со своим дирижером сожительствует. Помнишь

Томку? Как-то расплылась наша Томка. А ты думаешь, когда твоя с тобой жила, у нее с дирижером ничего не было?

Дмитрий хоть и плохо сейчас соображал, но понимал, что единственный достойный повод для визита у Геры может быть один – близнецы. Между тем, о них он молчит, а несет чепуху.

– Гера, для ясности – я рад за Галку. Ей нужен нормальный мужик, её круга.

– Ты это... извини, я это вообще, о бабах. Надо нам в жизни, знаешь, хобби иметь. У кого-то бабы, кому-то «зелёный змий». А кому нельзя водки и баб – тому вот это самое хобби. У нас многие картины собирают, иконы, ложечки всякие, часики, финтиклюшечки золотые. Хочешь знать, чем мой начальник промышляет? Старинные золотые монеты: пиастры, дублоны, «екатеринки»...

– Ну, а ты?

– Что я? Вот, стихи пишу. Душно тут у тебя, так что слушай про духоту.

– Геракл, не надо стихов. В другой раз, а?

– Нет, ты послушай. Все говорят – хорошо...

За окном подозрительно заскрежетало. Геракл подскочил, словно ужаленный.

– Что это?

– Нервы, брат, что ж еще. Тимка с прогулки лезет.

Действительно, в форточке обозначилась лохматая физиономия кота. Тимур замер, оценил ситуацию и, хриплым

низким голосом мявкнув, прыгнул на середину кухни.

– Пришел, бродяга? Дрался? – Дмитрий наклонился и погладил кота за ушами. – Целые уши. Жрать будешь? Я нам талонного цыпленка укупил.

Дмитрий занялся кормежкой. Геракл смотрел на все это без интереса.

– Ну что ж, – буркнул он, – мне, пожалуй, пора. Отдыхай, чегевара. Ваша служба и опасна, и трудна...

И уже в дверях повторил:

– Отдыхай.

Дмитрий пожал плечами: «Чего он тут комедию ломал? Зачем приперся среди ночи?»

Об этом он решил подумать завтра, утро вечера мудренее. А сейчас спать.

– Пожрал, пират? Тогда отбой.

Ему показалось, что он только заснул, как снова звонок в дверь. «Опять Гера, зараза».

Поднялся, ничего не соображая, не различая – во сне ли он поднимается, или уже как бы проснулся. На автопилоте поискал ногами тапочки – не нашлись. Наконец, продрал глаза, глянул – за окном рассвет.

Густое фиолетовое марево затопило небо, с востока поднималось золотое свечение, растворяя в себе остатки ночи. Розовые нездешние облака, казалось, пришли из фантастических далей, вслед за рассветом.

– Ни фиги себе, – произнес Дмитрий и пошел открывать.

Перед ним стояли близнецы, те самые. Стояли и молча смотрели. Жалобно как-то смотрели. И Дмитрий смотрел. Смотрел будто на что-то знакомое, такое, что, раз увидев – уже не забыть; словно знал он их когда-то. Дурацкое дело. никогда он их не знал, и знать не желает, но вместе с тем полное ощущение знакомства. «Да кто ж вы такие, ребятки?»

– Вы проходите, что ли.

Они вошли, потерянно осматриваясь по сторонам, словно попали в чуждый им мир.

– Да вы проходите дальше.

Из комнаты появился Тимур, обнюхал непрошенных гостей, фыркнул и ушел обратно на шкаф, досыпать своё.

Поведение животного успокоило Дмитрия. «В самом деле, – подумалось, – близнецы, люди. Какие-то несчастные они». Раздвоенность ощущений исчезла, сейчас они для него были лишь несчастными людьми, и только. Он даже вспомнил, что будто бы должна возникнуть волна безумия – как с Хавченко и с Герой. Но ничего этого Дмитрий не чувствовал – и удивился.

– Давайте на кухню, туда.

«Экие неловкие, пока не покажешь, куда...» Может, стеснительные, или больные на голову? Говорят, шизофреники умеют убеждать кого угодно, может, в этом все дело? Надо бы их разговорить, прояснить. Э нет! Начнут говорить – и у меня крыша поплывет, если шизофреники или гипнотизё-

ры. Черт, не вспомню – приезжали в город гипнотизёры с сеансами или нет? Нет, все это какая-то лажа. Давай, Дима, как положено.

– А документы, ребята, у вас есть?

Те переглянулись, но ничего не ответили.

– Ладно. Где живете – помните?

– Помним.

– Где?

Те опять едва заметно переглянулись и не ответили.

– Ладно... А показать, где живете, сможете?

– Сможем.

– Ну, с этим ладно. А работаете где-нибудь?

– Работаем.

– А подробнее можете?

Они опять не поняли.

– Какое место работы у вас?

– Жарко.

«Похоже, всё-таки идиоты. И как только довели столько народу до ручки»?

– Вам сейчас жарко?

Было по-рассветному прохладно.

– Жарко на работе.

– Ага. На работе.

«Похоже, этим товарищам нужно задавать очень точные вопросы».

– Как называется предприятие, на котором работаете, на

котором жарко? Можете сказать?

– Завод сварных металлоконструкций. Термический участок.

«Ну ни фиги себе! Зачем комитетчикам устраивать засады в пивняке, когда люди трудоустроены, прописаны, – без прописки на такой завод не устроишься, – значит, с документами у граждан все в порядке. Дай разнарядку по первым отделам – в миг близнецов найдут, или по паспортному столу проверяй. Это ж какая особая примета – близнецы. Тем более, другие приметы, возраст известны. Фигня какая-то выходит. Что-то опять не так».

Дмитрию стало не по себе. Он внимательно посмотрел на одного, затем на другого. «А может, я их не за тех принимаю?» Впрочем, за кого он их сейчас принимал, он сам себе сказать не мог. За несчастных людей? Но это к делу не подошьешь.

Он вспомнил герыну историю. Ни фиги себе – человек повесился. И органы их повязали, а теперь выпустили. А они ко мне, на рассвете, торопились, что ли? Стоп. А как они меня нашли?

– Мой адрес вам был известен?

Молчание. Смотрят чуть ли не в рот, будто силятся понять, что же он от них хочет?

– Как вы нашли меня?

– Ты нас увидел.

Час от часу не легче. Как будто это что-то объясняет, что

я их увидел.

– Это вчера, в пивбаре? Что ж тут такого? Посмотрел – и увидел.

– Нет. Не посмотрел. Увидел.

– Невидимки вы, что ли?

Дмитрию подумалось, что эти двое, наконец, начали свою игру. Нездоровый какой-то разговор пошел. «Да, еще немного, и я поплыл. Надо как-то гнуть своё».

– Ну, раз так – надо произвести некоторые следственные действия.

Близнецы молчали и не возражали. Их молчание было, пожалуй, лучше, чем слова.

– Предлагаю, раз документов у вас нет, пройти...

Дмитрий хотел по привычке произнести «в отделение», но спохватился:

– К вашему месту жительства. Дорогу указать, надеюсь, сможете?

Те кивнули.

Они пересекли микрорайон и вышли к реке. По железнодорожному мосту перешли на другой берег, в частный сектор. Близнецы шли молча, скорым шагом. Чувства Дмитрия обострились, как при выезде на задание. Подумалось: это всё оттого, что в дело замешано КГБ, а он где-то внутри плетущейся чужой интриги. Черт его знает – то ли эти двое уже действуют по указке органов, то ли не по указке, а в качестве живца – но это чепуха, я-то зачем им нужен? Или я в каче-

стве живца, но для чего?

Переплетение коротких, поросших бурьяном улиц вело вверх, на холм, за которым города уже не было.

«Уверенно ведут. А прикидываются чуть ли не иностранцами». Он споткнулся и, чертыхнувшись, приостановился – глянуть на ту колдобину. Близнецы выпали из поля зрения, и он подумал с недоумением: «А за какими это я уликами пружу?»

Профессия накладывает на людей отпечаток. Человеку, заматеревшему на раскрытии преступлений и работе со всяко-разными подонками общества, свойственно видеть в любом встречном, будь то незнакомец в очереди, или бывший одноклассник, или коллега по работе, преступника. Что-то заставляет думать, что не-преступников не бывает. Это как в больнице: через час стояния в очереди мерещится, будто все люди в мире – больны, здоровых не бывает.

Одни оперативные работники вытесняют этот психологический комплекс рассуждением, что мол, раз взяли – значит, есть за что. «У нас ни за что не сажают». Наверное, пресловутая презумпция невиновности и создана для борьбы с подобной психологией. Другие сотрудники, кто почеловечней, те или алкоголем снимают шизу, или в конце концов увольняются. А еще бывает так, что преступная среда становится естественной для оперативника, его тянет туда, он знает всех воров в законе и мелких бандюг на районе; они его знают. Такие работники особенно в цене у начальства и, хотя

борются с преступной средой крайне нехотя, но уж когда получают команду, то, владея обширной информацией и связями, свое дело делают безукоризненно.

Дмитрий относился к тому разряду ментов, кто умел отслеживать эту самую «презумпцию виновности», и временами она вызвала приступы отвращения к себе.

Подумав об уликах, он удивился: «Улики? Я что, их в чем-то подозреваю?» Он невесело усмехнулся. «Так в чем же я вас, ребята, подозреваю? Не хочу ведь подозревать, нет в вас этого вонючего душка».

Мысль об уликах увлекла его – дело как-то странно выворачивалось, напоминало игру. Он был охотником за неизвестной науке дичью.

Ни с того ни с сего спросил:

– Вас когда отпустили, вечером?

Те опять-таки его не поняли. И Дмитрий уточнил:

– Вас вчера утром задержали. Увезли на машине. Когда вас отпустили?

– Мы ушли.

Ушли и ушли, что с чудаков возьмешь. Значит, отпустили.

Добротный пятистеноч стоял под старой здоровенной шелковицей, влево от него шел дощатый забор, за ним – большой разбитый на грядки огород.

– Кто мы? – совершенно незащитно, доверчиво спросили близнецы.

Дмитрия качнуло. Не от вопроса, нет, и не от того, как

он был задан. Что-то чуждое и неземное посмотрело сквозь старшего лейтенанта и сбило дыхание.

– А вот это нам предст...

Близнецы синхронно развернулись и прошли через калитку. Дмитрию ничего не оставалось, как последовать за ними.

Хозяйка, женщина лет шестидесяти, поливала из шланга помидоры. На гостей не обратила ни малейшего внимания. Близнецы невозмутимо прошли дальше, поднялись на крыльцо и скрылись в доме. Дмитрий подошел к хозяйке.

– Доброе утро.

– Здравствуй, коли не шутишь, – ответила женщина, даже не глянув в его сторону.

– Вы извините, что я так рано.

– А мне что за дело?

– Я – сотрудник милиции. Эти двое, с которыми я пришел – ваши жильцы?

– А ко мне-то какое дело? Живут.

– Понятно. А как вы можете охарактеризовать постояльцев?

– Раз натворили чего – сами и разбирайтесь.

Она отвечала равнодушным голосом, выражение лица несколько не менялось.

– Воду перекрой, – указала на торчащую у крыльца водяную колонку.

Дмитрий выполнил просьбу, а она взяла тяпку и принялась полоть сорняки.

– Извините, конечно. Как вас зовут?

– Авдотья Тихоновна.

– А меня – Дмитрий Игоревич. Вы не волнуйтесь, я не по поводу прописки.

– Кто ж вас знает, по какому вы поводу?

– Ваши жильцы этой ночью ночевали?

– Сами, небось, знаете.

– Меня интересует – приходили они домой ночевать или нет?

– Не было их. Ушли вчерашним утром. Вон сейчас вернулись. Мне что за дело?

– А как долго они у вас квартируют?

– А они не говорили?

– Я, может, хочу проверить их слова.

– Да с месяц, должно быть.

– И все это время вели себя тихо, платили исправно?

– Люди они культурные. В огороде помогают, по хозяйству, когда попрошу чего.

– Как их звать, говорите?

– А у них в паспорте не написано?

– Да видите ли, паспортов при них не обнаружено. Беспаспортные у вас они, что ли?

– Может быть, что и беспаспортные, – невозмутимо ответила хозяйка.

– Так вы их документов не видели?

– А зачем мне их документы? Люди спокойные, непью-

щие, работающие. Я не на документы смотрю.

– Значит, не видели. Ну а как вы к ним обращаетесь? Видите ли, они назвать себя отказываются. А у нас есть подозрение, что один из них – злостный алиментщик. Мне поручили это дело. Вот и приходится вас беспокоить.

– Вон оно что. Нет, не алиментщики они. Тех я знаю – глаза бегают, лодыри и норовят стянуть. А имя – что имя. Зову просто – сынки. Скажу: «Сынок, прополи грядку». Он прополет. Все равно одинаковые.

Дмитрий уяснил себе характер отношений близнецов и хозяйки и понял, что на этом пути ему не продвинуться. Ей, по-видимому, ничего толком не известно. Но зато складывается впечатление, что близнецы на хозяйку никак не воздействуют. А вот это интересно.

– Авдотья Тихоновна, собственно, вопросов у меня к вам как таковых уже нет. Но, если позволите, задам еще один.

– Задавай уже, куда от вас денешься?

– Видите ли, нам известно, что ваши постояльцы временами бывают несдержанны. Вот и хочу вас спросить – не замечали вы чего-нибудь такого?

– Какого такого?

– Не были они с вами грубы, требовательны?

– Боже упаси. Случись такое – вмиг от ворот поворот. Мне такие выкрутасы не нужны. Мне мой дед покойный нервов попортил, хватит.

– То есть, вы хотите сказать, что у вас с жильцами с самого

начала установились хорошие отношения?

– Та какие там отношения? Стара я уже для отношений. Живут себе тихо, когда-никогда по хозяйству помогут. А так я с ними не разговариваю.

– Спасибо, Авдотья Тихоновна. Вы нам очень помогли.

– Помогла – и слава богу.

– И последнее. Не разрешите ли посмотреть в доме, как они живут?

– А вам это зачем?

– Так, для полной ясности.

– А документ есть?

– Это вы про ордер? Нет, с вашего согласия.

– Нечего там смотреть. Как живут – я говорила. Как все люди живут.

– Ну, тогда что ж. Тогда прощайте. Извините за беспокойство.

Дмитрий пошел к калитке. Близнецы из дому не выходили, и его это обрадовало. Общаться с ними не хотелось. Он глянул на часы – ого. Провозился, однако. Не опоздать бы на службу.

Близнецы его больше не интересовали. Он спускался узкими улочками к реке, думая о делах служебных, о том, что хорошо бы в отпуск, но ведь летом, как всегда, не дадут, что Леночка из канцелярии как-то загадочно смотрит при встречах, но надо ли этим воспользоваться? Наверное... нет.

Вдруг подумалось – а ведь из КГБ их не выпустили бы.

«Сейчас же пойду выбивать у шефа отпуск. Драпать от всего этого надо, подальше». Уж больно хренотень складывалась нехорошая, непонятная. Непонятный, дикий визит Геры – теперь он виделся совсем в ином свете. Внезапно пришел и внезапно ушел, а потом эти двое, так же внезапно. А чего в «Ивушке» к нам за столик поперлись? Предположим: случайность. Но уж все остальное – не случайность. Через Инессу надо с отпуском действовать. Сочувствует мне. Жалеет, что жена бросила?

С этими мыслями он и явился на работу. Дежурный по РОВД окликнул:

– Дима! Белозеров! Тебе уже три раза звонили.

«Ну вот. Песец подкрался незаметно».

– Из Конторы, – добавил, понизив голос, дежурный. – Оставили телефон, чтобы перезвонил. – Держи.

Дмитрий взял бумажку и пошел к себе в кабинет.

Глава пятая

В кабинете Дмитрий повертел бумажку с номером, глянул в окно. «Мы все спешим за чудесами...» – сообщил он окружающему пространству. И добавил, уже из припева: «Под крышей дома твоего... над крышкой гроба твоего».

Придвинул телефонный аппарат и, насвистывая все тот же популярный антоновский мотивчик, набрал номер. Трубку подняли сразу.

– Кто это? – спросил с той стороны голос Геры.

– Это я, Гера.

– А, старик! Хорошо, что появился. Надо бы нам встретиться. Ты, думаю, сам понимаешь, по какому делу.

– Ну?

– Зайдешь вечером, в восемнадцать ноль-ноль. Назовешь кабинет номер двести семнадцать и мою фамилию.

– А чего не ко мне? Вечерком. Вроде традиция уже? – Дмитрий решил оценить размер неприятностей.

– Да нет, старик. Лучше – у нас. Это в том числе и в интересах твоей безопасности.

«Мило, товарищ старлей – о безопасности твоей позаботились».

– Ты где ночью шлялся? – вдруг спросил Гера.

– А что?

– Ну, старик, это не разговор. Давай, жду. Вполне официально жду, усек?

– Усек, – мрачно ответил Дмитрий и положил трубку.

«С отпуском не успел».

Всё, день оказался смят. Дмитрий думал лишь о том, чтобы его не задержали на службе, чтобы успеть до визита заскокить домой.

Посреди рабочего дня заглянул Савелий, как обычно, посоветоваться. Дмитрий разгребал бумажные завалы, оправдывая это бесполезное мероприятие необходимостью упорядочения документации. Надо оставить после себя, кроме

доброй памяти, еще и тщательно упорядоченную документацию.

Савелий держал в руках тощую папочку.

– Дима, привет. Анекдот слышал? Ученые открыли единицу страха!

– Ну?

– Один андроп!

– Слышал.

– А... Ладно. Дима, ты глянь. Тут мне свежак подбросили. Не пойму, че с этим делать? Глянешь?

– Хочешь знать, че делать, Славик?

Дмитрий непонимающе посмотрел на приятеля, но вдруг улыбнулся и, подмигнув, предложил:

– Застрели его. Скажешь, пытался оказать сопротивление, угрожал топором.

– Ты чё? Это бухгалтерша, баба.

– Значит, бухгалтерша угрожала топором. Слышишь, Славик, оставь ты меня в покое. Не до тебя, извини.

Савелий пожал плечами и, буркнув: «Я тогда позже...» – вышел.

А потом вдруг звонит начальство и загадочно сообщает:

– Ты, Дима, что-то там насчет отпуска спрашивал. Так вот, пиши заявление с завтрашнего дня на июль-месяц. Ты в последнее время потрудился... Контузия там твоя... В общем – пиши.

– Это приказ, товарищ подполковник?

Шеф проямлил что-то, а потом добавил вполне разборчиво:

- Если тебе так понятнее, то приказ.
- Слушаюсь, товарищ подполковник.
- Да ладно тебе... Я сказал – ты делай. Всё.

По дороге домой широко и ясно думалось, что неплохо бы прихватить на randevу с Гераклом зубную пасту, щетку, мыло и папирос, побольше папирос, пачек десять; военный билет, а паспорт и «корочку» спрятать, заныкать, лучше закопать во дворе. А там скажу, что потерял по собственной халатности, пусть штрафуют. А этих гадов, скажу, в глаза не видел. Вот стоял, гражданин начальник, за столиком, а этих в упор не разглядел. Всю ночь на ногах, возьмите в разумение, водки бутылку употребил, на жаре, с пивом. Ночью же был дома, на звонки, если были, – хоть в дверь, хоть куда – не отвечал, потому что не слышал, спал мертвецки. Не поможет. А что поможет?

«Мы все спешим за чудесами. Но нет чудесней ничего, чем та земля под небесами...» Вот привязалась, зараза, целый день крутится – «над крышкой гроба, над крышкой гроба...» Чтоб вас всех!

Дома ничего собирать в дорогу, разумеется, не стал. Позвал в окно Тимку. Тот, предвкушая трапезу, живо объявился на кухне. «Мур-р», – энергично произнес Тимур, в смысле «че хавать будем, хозяин?». Дмитрий сгреб кота в охапку и понес к соседке.

У соседки-пенсионерки он оставлял кота, когда уезжал в январе в отпуск.

– Зинаида Германовна, приютите моего бродягу.

– Конечно, Димочка, конечно. Вы же знаете – мы с Тимошей в прекрасных отношениях.

– Дело в том, что я в командировку. Скорее, что длительную. Возьмите пятьдесят рублей, если не хватит, я еще вышлю.

– Да-да, разумеется... Я поняла, – растерялась соседка.

Дмитрия она уважала, само соседство с офицером милиции вносило спокойствие в жизнь Зинаиды Германовны.

– Ну, вот и спасибо. Я надеюсь на вас, Зинаида Германовна. До свидания.

Монастырь КГБ – в свое время мужской общежитский монастырь, а теперь «большой дом» – стоял на самом высоком холме, нависая над городом. Территория с двумя трехэтажными зданиями и перестроенной под спортзал церковью отгородилась от мира крепостной стеной с башенками, крытыми черепицей свежего зеленого цвета.

У ворот Дмитрия окликнул из будки КПП офицер. Дмитрий сообщил, к кому и куда. Его записали, выдали временный пропуск.

– Ближнее здание. Второй этаж.

Дмитрий потянул на себя массивную деревянную дверь, вошёл в гулкий пустой вестибюль, огляделся. С портрета над раздевалкой взирал Феликс Эдмундович – серьезно, реши-

тельно. Узкая, под низким давящим полуарочным сводом, высеченная из камня лестница, истёртая за несколько сотен лет сандалиями – или что они там носили? – монахов, привела на второй этаж, испещренный, иначе не скажешь, нишами с дверьми. Хорошие стены. Мощные. Бронебойным не прошибёшь.

В кабинете номер двести семнадцать тишину тоже ничего не нарушало – окон не было, да и откуда им взяться в бывшей монастырской келье? Только дым клубами расходился под тусклой лампой в казённом абажуре. Гера восседал за столом, многозначительно уставившись на мохнатый ковер под ногами, твердо опершись о спинку кресла.

– Садись, чегевара, – указал он на стул.

– Лучше – присаживайся, – уточнил Дмитрий. – Курить у тебя, вижу, можно? Не задохнёмся?

Геракл не ответил, только ткнул пальцем вверх: там, в потолке, имелось что-то вроде зарешёченного отверстия, и Дмитрий запыхтел беломориной.

– Так где, говоришь, ночью шлялся?

– Не чуди, капитан. Ты ж сам у меня был. Куда мне шляться?

Гера задумчиво разминал в пальцах «Мальборо». И сам был задумчивый. Не сказать – пришибленный.

– Это да, – наконец ответил он, – бакш от тебя слегка пёр застарелый. Водка с пивом, а?

Ну да, вспомнил Дмитрий, Геракл ещё в школе милиции

любил спорить, что по перегару определит, кто чего с чем намешал. И всегда выигрывал. Ему бы да в ищейки с таким нюхом. Так ищейка и есть. Ходит кругами, принохивается... друг детства.

– А дверь мне чего сразу не открыл?

– Слушай, Гера, давай чётко, что у нас тут: допрос подозреваемого, опрос свидетеля, или как?

– Для определённости – разъяснительная беседа. Я тебе даже бумажки официальной не прислал, не заметил?

– Да! – Дмитрий в ярости загасил «бычок», смяв мундштук. – Сидел с близнецами, проводил сеанс чёрной магии, тут твой звонок, я их в окно, благо – первый этаж, быстро глоток водки, прикинулся сонным... Тебе это надо услышать?

– А ты не горячись, чегевара. Потому как дело тут – государственной важности. Я тебя предупреждал – не лезь. Предупреждал?

– Да где ж я лез?

Геракл, наконец, закурил.

– А что я должен думать? На пивняке они к кому пришли? К тебе пришли. Скажешь, случайность? Допустим. Только работа у нас такая, что не верим мы в случайности. Мы Комитет Государственной Безопасности. Государственной! Книжка такая полезная есть, больше в самиздатах распространяют, а я бы её миллионными тиражами. «Жук в муравейнике» называется – не читал? Зря. А я по роду службы...

Там хорошо сказано, что наше дело – при малейшем подозрении на появление чёрта организовать производство святой воды в промышленных масштабах. И пусть мы ошибёмся и над нами будет хохотать весь мир... пусть мы ошибёмся...

А ведь плохо тебе, сукин сын, понял вдруг Дмитрий. И колбасит тебя, и штырит, и не знай я тебя, спортсмена, коммуниста, образцового семьянина, решил бы, что обдолбался ты дрянью какой редкостной, а теперь ловишь отходняк.

– Дожать не хочется? – негромко сказал Дмитрий.

– Что?

– Дожать. Как того студента.

Взгляд Геры сделался страшен. Нет, не ярость полыхнула в нём, не злость: пустота и холод безумия глянули бездонными колодцами на оторопевшего старлея.

– Забудь, – чужим скрипучим голосом произнёс Геракл. – Никогда. Или убью. Сразу.

– Извини, Гера. Извини.

Геракл завозился с очередной сигаретой, сломал несколько спичек, подкурил.

– Теперь о главном. Я задерживаю тебя на неопределённый срок. Посидишь в нашем ИЗО. Так надо, прежде всего, для твоей безопасности. И не только твоей. Мы задержали всех, кто контактировал с феноменом.

Вот значит как.

– Документы тебе сдавать или где?

– Ты снова не понял. Ничего не сдавай. Табельного оружия, надеюсь, при тебе нет?

– В отпуске я, – буркнул Дмитрий. – Можно подумать, не знаешь.

– Знаю. Папиросы есть?

– Две пачки.

– Закончатся – сообщишь. Условия у нас тут, как в гостинице, не ваши СИЗО да зоны.

Видно, Гера нажал кнопку под столом, потому что дверь распахнулась, и на пороге кельи возник бравый сержант-«краснач».

– Медынский!

– Слушаю, товарищ капитан!

– Препроводить задержанного в изолятор временного содержания. Бокс номер два, с удобствами.

– Есть! – козырнул сержант и поправил зачем-то пояс.

– Помни, – крикнул вслед Геракл, – для твоей безопасности!

Гостиница – не гостиница, а за общагу сканают. Не соврал Гера. Келейка небольшая, стены забавные – кверху круглятся. Окошко узенькое, даже «намордником» не забрано. Койка с бельем – это тебе не нары. Стол, стул, полка с книгами. Дмитрий рассеянно взял одну – в тусклом электрическом свете прочёл: «В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм». Воспитывают. Зато сортир отдельный – руко-

мойник и унитаза. И даже мыло имеется.

На столе графин, стакан, жестяная банка из-под консервов – пеплом воняет. Закурим, значит. И подумаем. Крепко подумаем. Пора бы тебе, старший оперуполномоченный Белозёров, извилиной пошевелить. Как говорит замполит – голова, а не кочан капусты.

Первое. Гера сильно на взводе. И не он отдал приказ меня сюда засунуть. Он – тоже пешка в игре. Дальше. О появлении у меня близнецов и визите к Авдотье Тихоновне они не знают, иначе другой разговор вышел бы. А что они знают, и что им надо? Стоп. Какая-то в словах Геры чепуха, неувязочка. Думай, старлей, думай.

Дмитрий лежал на койке и старательно прокручивал в голове подробности последнего разговора. Вот оно! «Мы изолировали всех, кто контактировал с феноменом». Кем бы или чем бы ни были близнецы, врать они не умеют. И если сказали, что работают на заводе – там и работают. Так это надо полцеха изолировать, да отдел кадров, да... Что там уже Авдотья Тихоновна. У гэбэшников было время допросить, хм, феномен, и тогда никакого изолятора Монастыря не хватило бы. Или... или не было? Что за ад здесь творился, пока близнецы не «ушли»? Если бы знать. Но Гера-то – знает.

Дальше. Дальше – проще. Тот же Гера в курсе, что близнецы имеют привычку «выжимать» своих клиентов до упора. Шли они к Дмитрию, а тут им помешали. В «жигулёнок» – и сюда. Выходит... Как только близнецы «ушли» – интерес-

но, кстати, как они ушли, свели с ума пару сотрудников по ходу дела? – а, не суть, Гера кинулся ко мне. Значит, около одиннадцати ночи. Теперь всё на свои места становится, и его пустые разговоры, и как он от Тимки шарахался... Ждал. Вдруг – объявятся, меня «дожимать». Но – ушёл. Это тоже понятно, ушёл, когда «наружка» подтянулась. Время тянул, даже стихи читать удумал, паршивец.

Тут, правда, нестыковочка. Вышло всё вроде как по-Герыному. Пришли они ко мне. А что «наружка»? Или близнецы отводить глаза умеют? Нет, тут что-то проще. Тоже ждали. А там пересменка, или ещё какой сбой...

Липкий озноб прокатился по спине Дмитрия, старлея передёрнуло, он даже одеялом тюремным укрылся. Пришли и дожали. Попал он под их гипноз. Он ведь что Гере обещал? Не лезть. Что сделать должен был, как этих уродов на пороге узрел? Правильно, сигнализировать, звонить. Сам же сколько раз себе повторял: на фиг ему эти козлы не упали! Теперь всё импровизированное «расследование» виделось старлею совсем в ином свете. И близнецы. Так же себя и с пролетарием вели, так же и с Герой. Раз – потеряли интерес, и всё, ищи их. Хорошо хоть без таких последствий. Хотя – вот они, последствия...

Наверное, он задремал, потому как очнулся оттого, что кто-то теребил его за плечо.

– Вставай... чегевара.

Гера был весь какой-то помятый, глаза красные, взгляд

блуждает, будто ищет, за что зацепиться, и не находит, соскальзывает. А ещё в форме и при оружии. Убьёт? Ну, это мы будем посмотреть.

– Ты мне правду... правду скажи... как другу, не для протокола. Не требую – прошу.

– Гера, друг, да ты присядь. Успокойся.

– Правду! – прохрипел капитан. – Ты с ними имел контакт?!

– Было дело. Утром пришли.

– Хе... Прохлопали. Говорил я Симуону – не жалея людей, выдели. Спросили тебя?

– Про... кто они такие? Спросили. Тебя, значит...

Гера расхохотался. Дико, до слёз. Вытащил из кобуры «макарова» и швырнул на стол.

«Рехнулся», – решил Дмитрий.

– Ты иди.

Гера, наконец, отёр выступившие слёзы, успокоился.

– Куда? – опешил Дмитрий.

– На кудыкину гору! На вот, – протянул пропуск на выход, – я всех отпустил.

– А Симоненков?

– Да насрать на Симоненкова! На всех насрать, понял?!!

Гера отвернулся. И, не поворачиваясь, глухо, не своим голосом добавил:

– Только помни – отсюда, – постучал пальцем по черепу, – отсюда никуда не убежишь.

Дмитрий повертел пропуск – настоящий. Гера бормотал что-то совсем невнятное.

Дмитрий прислушался.

Эта нить бесконечной скуки,
Бесполезной, пустой жизни пена,
Холодеют лицо и руки,
Только кровь все течет в венах.

Стихи.

Он отступил к порогу камеры под герыно бормотание.

Липнет страх, холоднее морга,
Воцарился в пустых, мертвых стенах,
Погибают нейроны мозга,
Только кровь все течет в венах.

Разбегаются прочь рифмы,
Этот страх, он сидит где-то в генах,
И уже загнивает лимфа,
Только кровь все течет...

Спятил. Эх, Геракл... Дмитрий двинулся гулким коридором изолятора. Ни души. Он почти дошёл до выхода из корпуса, когда до слуха донёсся короткий треск выстрела. Из «макарова». Он замер. Вернуться? Ясно, что увидит. Но надо. Всякое бывает, и недострелы тоже.

Заглянул в камеру. Лучше бы не заглядывал. Он, конеч-

но, всяких трупов нагляделся, и резаных, и огнестрелов, и висельников, и утопленников, и такого, что лучше вовсе не помнить... но то трупы, а это Гера. Товарищ. И пострадавший. А свели его с ума чёровы близнецы.

Быстрым шагом Дмитрий покинул здание изолятора.

Калитка КПП была нараспашку, дежурного не видать, а на пороге, обхватив голову, сидел человек. Сидел и тоненько подвывал. Дмитрий потянул его за руку, человек обернулся. Пролетарий Хавченко, собственной персоной.

– Юрий Эдуардович? Тоже отпустили?

– Отпустили... Туды его мать. Только жить не хочется. Думал, хоть тут разберутся, помогут. Не помогли. А ты кто?

– А я у вас показания в РОВД снимал.

Дмитрий уселся рядом, закурил. Хавченко скривился.

– Не могу. Тошно мне.

– Это почему же?

– Не поймёшь ты. Это ж такое счастье, такое счастье, век бы так. А они ушли – и всё, хрясь, обломись-ка. Только на кой хрен мне такое счастье надо, если только пить да гулять?

– Так ты бы определился, гражданин Хавченко, что тебе надо.

– Так вот то-то и оно – тошно мне. Не хочу быть скотиной.

– А хочется...

– Жуть как хочется. Всё бы отдал, чтобы ещё хоть разок. А тут – они, однайцовые эти. Я к ним – это ж я, Юрик! Я

ноги вам целовать буду, у меня руки не из жопы растут, я вам смастерю хоть что, только счастья мне! Счастья!

– А они?

– А они с этим козлом в синей фуражке что-то своё перетёрли и пошли.

– Что-о? – Дмитрий вскочил. – Куда пошли? Когда?

– Да только вот. Вон туда.

Он махнул в сторону улицы Левицкого, застроенной ещё в довоенное время крепкими двухэтажными домами, в основном для семей рабочего класса.

– Тошно мне.

Юрик снова обхватил голову и заскулил. Но Дмитрий его уже не слушал. Он летел с холма, не чуя ног. В этот раз близнецы «взяли» лейтенанта КГБ при табельном оружии.

Глава шестая

Фонари горели через один, по сторонам улицы теснились однообразные двухэтажки, и было как-то непривычно тихо, разве что за открытыми окнами бубнили «говорящие ящики». Дмитрий, не сбавляя ходу, глянул на часы – ого, поспал, однако, пол-одиннадцатого. Чутьё подсказывало – направление верное. Неужели он начал ощущать... этих. И ведь не обманулся – бахнуло где-то впереди. «Кажется, я сегодня такое уже слышал», – подумал опер и припустил шибче.

У подъезда очередной двухэтажки – дом номер тридцать

восемь, рефлекторно отметил Дмитрий, – нерешительно переминался крепкий мужик в шароварах, майке и тапочках.

– Что тут у вас?

Дмитрий вынул «корочку».

– Так это, товарищ...

– Старший лейтенант.

– Товарищ старший лейтенант, – мужик понизил голос, – из КГБ пожаловали. И к кому? К Андреевым. Нешто они дисиденты какие?

– Вот я и говорю – безобразие, – из подъезда явилась полная тётка, монументально встала, уперев руки в боки. – Врываются, левольвером грозят.

– Цыц, Клава, – цыкнул мужик.

– Так, какой этаж, где окна? – перебил Дмитрий.

– Первый, вот он – зал, – мужик ткнул в освещённое, но занавешенное окно, – а кухня с той стороны. Однокомнатная у них, втроём ютятся, интелехенция...

– Так, ждите, я скоро.

Дмитрий метнулся за угол, обогнул дом, считая окна. Вот оно. Хоть тут свезло: в кухне свет погашен, а окно раскрыто. Мягко, не хуже своего Тимура, перебрался через подоконник и приземлился в квартире. Прислушался.

– А потом я отдеру у тебя на глазах твою лярву, – доносился из залы размеренный и оттого страшный голос.

Со своей позиции старлей видел только маленький кусок залы – дальний угол, частично отгороженный от осталь-

ного помещения шкафом и столиком с рассыпанными оловянными солдатиками. И маячили там ненавистные фигуры близнецов: они с отрешённой тоской взирали на невидимое Дмитрию действо. «За шкафом детская кровать. Чёрт, с голыми руками против пистолета... Не покатит!». Дмитрий в полутьме принялся аккуратно выдвигать ящики кухонных столов под размеренный голос из залы.

– После этого перережу глотку твоему ублюдку, а потом ей. И только потом... пото-ом придёт твой черёд. Отрежу тебе всё, что у тебя висит. Заставлю сожрать. Что стоишь, дура? Раздевайся и вставай раком! Вот так! Упрись в диван! Проживёшь дольше...

Есть! Под руку попался тяжёлый молоток для отбивки мяса. Дмитрий скользнул в коридор, поглядывая на близнецов. Нет, нет им до него дела.

Заглянул в комнату, и включился привычный автопилот. Обезумевший лейтенант нависает над жертвой, покорно принявшей указанную позу. Рука с пистолетом на отлёте, дуло вниз, вторая лихорадочно расстёгивает штаны. Мужчина прикован наручниками к батарее отопления, рот заткнут кляпом, кляп зафиксирован брючным ремнём, затянутым на затылке. На полу обломки штукатурки – пулевое отверстие в потолке. В другом углу – мальчик лет десяти. Не связан. Весь анализ – доли секунды. Ещё секунда – мягкий бесшумный прыжок. Обрывки мыслей: «не по затылку – убью... по темечку».

Влажный стук молотка по черепу, короткий всхрап гёбшника, выстрел – пуля идёт в пол, насильник падает на задницу и, откинувшись на спину, бьётся затылком об пол. Готов. Сонная артерия – пульс есть. Ключ от «браслетов» – на поясе. Пистолет. Дмитрий подхватил с пола какую-то тряпку, не сильно задумываясь, что это трусы хозяйки, сухо бросил, не глядя на неё:

– Одевайтесь, гражданка.

Завернул в трусы пистолет, наощупь поставил на предохранитель, сунул в карман. Ключи. Так, освободить хозяина. Заковать урод. А! Близнецы! Конечно, и след простыл.

– Дядя! – вдруг произнёс мальчик. – Это был настоящий маньяк, да?

– Фантомас это был, – ответил Дмитрий.

– Да? А тогда почему он без маски?

– А он в маске. Даже видишь, переодетый. Просто, парень, у него сейчас такая маска современная, что от человеческого лица не отличить. Сечёшь?

Дмитрий подмигнул мальчику.

– Ага, – неуверенно ответил тот.

Мужчина уже освободился от кляпа:

– Агх... гх... шс... спаш... си... бо...

– Супругу пока успокойте, гражданин, – так же сухо бросил Дмитрий.

Женщина сидела в углу дивана, поджав ноги, плотно завернувшись в халат, её била крупная дрожь.

Где здесь телефон?

– Дежурный по Пролетарскому РОВД капитан Сенцов слушает.

– Значит так, капитан. Говорит старший лейтенант Белозёров из Центрального. Давай живо наряд на Левицкого, тридцать восемь.

– Димка! Ты, что ли?

– Ну, я.

Дмитрий в упор не помнил этого капитана, но знакомство сейчас кстати.

– Что там?

– Маньяка взял. И учти, капитан, маньяк – не простой.

Короткая пауза.

– В погонах?

– В погонах, да только не в наших. Сообразил?

– Понял. Звёздочки хоть не крупные?

– Мелкие, наше счастье.

– Понятых готовь.

И дал отбой.

Дмитрий распахнул входную дверь – на лестничной площадке двумя привидениями маялись Клава с супругом.

– Проходите, граждане. Понятыми будете.

Наряд примчал вихрем. Закрутилась обычная следственно-процессуальная чехарда. Дмитрий наскоро настрочил, мол, я, такой-то, такой-то, шёл по частной надобности, услышал и прочее... Расписался и попросил прибывшего старш

го – целого майора:

– Слушай, друг, устал я, как собака. Пока вы тут будете вошкаться, пусть ваш водила туда-сюда промотнётся, меня на хату подкинет.

– Лады, герой, – буркнул тот.

Заходя в свой подъезд, Дмитрий глянул на часы и снова изумился – одиннадцать с копейками. Неужто прошло всего полчаса? Тогда – забрать Тимку. Германовна, вроде, поздно спать ложится.

– Я это, Дмитрий, сосед ваш! – ответил на встревоженное «кто там» из-за двери.

– Димочка! Вот так сюрприз! Что же вы, голубчик, говорили – надолго? Заходите!

Зинаида Германовна, в строгом чопорном платье, впустила гостя в прихожую. Тут же полосатой ракетой вылетел Тимур, немного не вписался в поворот, с разгону запрыгнул хозяину на грудь и полез целоваться. Чего за ним отродясь не водилось.

– Тимка! Пират хре... эдакий, прекрати немедленно!

– Дмитрий, – всплеснула руками пенсионерка, – да на вас лица нет! Что стряслось?

– Служба, Зинаида Германовна. Задержал опасного преступника.

– Вооружённого?

Дмитрий попытался кивнуть, отбиваясь от тимурова натиска.

– Ох, Дмитрий, Дмитрий, и кого вы хотели обмануть... Знаете, Тимоша вел себя очень необычно. Был грустный, вечером отказался от еды. А буквально вот сейчас – поел трески.

– Да посмотрите, что творит! Обнимается! Раньше никогда...

– Это он смерть чуял, Димочка, – глухо сказала пенсионерка. – А теперь радуется, что обошлось. Вы бы зашли, посидим, чаю попьем, у меня варенье, вишнёвое.

– Устал...

– Понимаю. И впредь меня не обманывайте! – Зинаида Германовна кокетливо погрозила пальцем, и ей, удивился Дмитрий, это удалось. – Неужели вы могли подумать, случись что... нехорошее, я выставлю Тимошу за дверь?

Дмитрий счёл за благо промолчать – именно так он и думал.

– Запомните, юноша, – в голосе пенсионерки неожиданно прорезалась сталь, – я из Ленинграда, блокадница, и скорее сдохну сама, чем позволю себе обидеть кота.

Какая связь между блокадой и котами Дмитрий не уловил, а потому сменил тему:

– А в наших краях как оказались?

Зинаида Германовна помолчала.

– Знаете, Дима... После эвакуации не стали возвращаться. Здесь осели. Страшно там было. Очень страшно. Вот, денёги, я потратила только чуть.

Дмитрий принял свои сорок пять рублей с копейками. Обычно он добавлял пенсионерке немного «сверху», но сообразил – не тот случай, и поспешил распрощаться.

Поставил будильник на семь утра. Бродила в голове дурацкая мысль, и вытряхнуть её не получалось. Значит, придётся действовать. Тимур, опять же против обыкновения, не полез на шкаф, а устроился на груди и тихонько замурлыкал...

С утра он уже торчал на подворье Авдотьи Тихоновны, покорно ожидая, когда хозяйка соизволит закончить полив грядок.

– Ишь, спека какая, – недовольно сказала она, усаживаясь в тень шелковицы. – Всё горит, только поспевай. Что, сынков проведать пришёл?

Дмитрий покачал головой.

– Другое у меня дело. Не служебное. Да и нету, небось, у вас сынков этих.

– Вам там виднее, чего есть, чего нету.

– Авдотья Тихоновна, – Дмитрий замялся, – мне бы... священника. Только чтобы настоящего, а то сейчас, сами знаете, через одного из-под рясы погонны торчат.

Старуха окатила его взглядом – будто с головы до ног ошупала.

– Не служебное, значит, – пробормотала она... – Оно, может, и так...

– Вот честное слово! Слово офицера!

– Та какие вы там офицеры? Дед мой – сержант, под Варшавой своё отвоевал, вот его слово было – кремень! Ладно, – смягчилась старуха. – Вижу, хлопец ты правильный, и на душе у тебя муторно. Далёко тебе ходить без надобности. Пойдёшь по улице вот так, на третьем проулке вправо поворачиваешься и ещё столько пройди, большой дом из белого кирпича увидишь. Он там один такой, не заплутаешь. Отец Георгий, скажешь – от меня.

– Священник?

– При Никитке-Кукурузнике и приход забрали, и церкву порушили. Гляди, ежели дело твое служебным выйдет... Прокляну.

Дмитрий вздрогнул. Другая какая-то Авдотья Тихоновна это сказала. «Ведьма, что ли?» – мелькнула дурная мысль. И ведь близнецы на неё никак не влияли... А, потом, всё потом.

Дом и вправду нашёлся быстро – возле резной калитки Дмитрий столкнулся с женщиной. Та, заметив его, поспешно сдёнула с головы белый платок. «Незаконное отправление религиозных обрядов», – Дмитрий механически вспомнил номер соответствующей статьи УК, тряхнул головой, отгоняя наваждение, и пошёл в дом.

Хозяин, мощный бородач с мясистым носом, лет пятидесяти, в клетчатой рубаше с коротким рукавом и невзрачных штанах не слишком походил на тайного священника, но вот

глаза... Особые глаза, не опишешь. Смотрит, как душу вынимает. Дмитрий сказал, как было велено, и получил приглашение в трапезную. «Слово какое-то ненашенское – трапезная», – мимоходом отметил он.

Трапезная оказалась обычной гостиной пополам с кухней. Хозяин поставил кипятить на балонный газ чайник.

– Сказывай.

«Что я тебе, кот-баюн?». Но рассказ начал. С пролетария Хавченко, подробно, как в кабинете следователя, будто с повинной пришёл. Хозяин не перебивал, неторопливо разлил по чашкам заварку, вскрыл и высыпал в вазочку пачку печенья «Нежность», добавил конфет, долил в чашки кипятку. Дмитрий глотнул, чуть не скривился.

– Это что?

– Это сбор. Травы.

С третьего глотка сбор оказался не таким уж и омерзительным; к концу чаепития Дмитрий изложил все факты по делу близнецов.

– В Бога веруешь?

Дмитрий промолчал.

– Понятно. Хотя б крещён?

– Бабуля говорила – крестили маленьким.

– Чего же ты, сынок, от меня хочешь? – спросил отец Георгий.

Старший лейтенант задумался. А и вправду, чего он хочет?

– Не знаете, что такое эти близнецы?

– То мне неведомо. Может, и догадываюсь, да от догадок проку мало. Не PROVIDEC я, сынок. Людей вижу, дал Господь такой дар, уж не знаю за что, а эти – эти не от мира сего.

– Черти, значит?

– Боже святой, Боже крепкий, Боже бессмертный, помилуй нас, грешных... – Отец Георгий размашисто перекрестился. – Это с какой стороны глянуть.

– В людях, говорите, разбираетесь, отец Георгий? – Дмитрий решил глянуть с другой стороны.

– Дал Господь дар.

– Вот всех людей они с ума сводят, а меня – не свели. Почему? Чем я такой особенный?

– Истинно хочешь узнать?

– Хочу.

Священник помолчал, а потом медленно, нараспев, будто повторяя заученное, произнёс:

– Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты теплохладен, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих!

– Не понял.

– Поймёшь. Потом. Ещё не время. А теперь – ступай с Богом!

Напиться, думал Дмитрий, переходя через эстакаду. До чёртиков, до пороссячьего визгу, в хлам, в дрова, в драбадан,

чтобы полная отключка – и всё. В отпуске он или где?

Зашёл в продуктовый. В винно-водочном нарядно сверкали боевые построения горячительного – всё больше водка и дешёвая «бормотуха». Особо выделялась недавно появившаяся «андроповка» по четыре семьдесят – ядовито-зелёная этикетка с лаконичной чёрной надписью «Водка» на белом фоне. Взять, что ли? Алкаши говорят, с ног валит вусмерть. Поколебавшись, всё же взял «Посольскую» за шесть пятьдесят, три банки томатной кильки в рыбном отделе и половинку «украинского» в хлебном.

– Вчерашний, – честно предупредила продавщица. – Через час свежий завезут.

Дмитрий только рукой махнул.

Напиться не вышло. Только он принял первые пятьдесят капель и закусил корочкой, щедро сдобренной консервным соусом, затренькал телефон. Небось, по поводу вчерашнего. Шутка ли – маньяк из КГБ. Он вообразил себе такой заголовок в вечерней газете, и сделалось немного не по себе.

Не угадал. Звонил ликующий Савелий. Орал в трубку так, что пришлось отвести от уха.

– Димыч! Прикинь, Димыч! У нас тут дела – дурдом! Сейчас с повинной знаешь, кто явился? Угадай!

– Не буду угадывать, – обронил Дмитрий.

– Это верно, старик, не угадаешь. Зелёный явился! С чистосердечным! А тут как раз я дежурю, вот пруха-то.

Конечно, Савелий, как обычно, грезил о третьей звёздоч-

ке на погон. Понятно – двое детей, повышение оклада. Но... Кажется, товарищ старший оперуполномоченный, след близнецов ты научился распознавать. И верно.

– Только вот обстоятельства...

Савелий перестал кричать и добавил негромко:

– Ты не мог бы заскочить, посоветоваться?

Дмитрий тоскливо оглянулся на початую бутылку.

У себя в кабинете Савелий поведал всю историю. Зелёный объявился поутру, часов в восемь, как раз когда Дмитрий общался с Авдотьей Тихоновной. Подошёл к стойке дежурного и выложил перед ошалевшим Савелием грудку драгоценных изделий.

– Я столько золота и камней в одной куче отродясь не видывал, – Савелий от волнения не мог сидеть, расхаживал по кабинету. – А самое смешное, Зелёный – это не погонялово, а настоящая фамилия.

– Ты не отвлекайся, – перебил Дмитрий друга.

В общем, история получилась такая. Около одиннадцати вечера в кабаке «Юбилейный», где гулял Зелёный, появились близнецы. Тут щипач и осознал, что ему по плечу великие свершения. За ночь он «взял» ювелирный – «прикинь, Дима, сигнализацию отключил», – сберкассу и три «комка» с радиоаппаратурой. Всё свёз на хазу. Бомбанул бы и больше, да ночи летом короткие.

– Вот, говорит, гражданин начальник, я теперь не щипач поганый, а настоящий вор. И хочу отсидеть, чтобы всё по

закону. Поэтому оформляйте мне явку с чистосердечным, и всё тут.

– А близнецы?

– О! – Савелий важно поднял палец. – Вспомнил я тут и показания гражданина Хавченко, и как мы сами этих близнецов видели, и...

Он понизил голос.

– И кто их «закрыл». Смотрю – а парочка эта на пороге тусуется. Зелёный к выходу, они заходят. Перемолвились парой слов, и вроде как уходить, и Зелёный тоже. Вот тут с тобой посоветоваться хочу. Повязали мы всех. Зелёного отдельно, этих отдельно.

– Правильно, – кивнул Дмитрий и закурил.

– Ведь, если этих оттуда выпустили, то мало ли что? А? Как думаешь?

– Думаю, этих надо отпустить. Ты хоть их не допрашивал?

– Я – нет. Ребята говорят – чисто дебилы. Какие из них пособники? Короче, отправили на «дурку», проверять на вменяемость. Правильно, как думаешь?

– Посмотрим.

– И ещё. Тут, – Савелий вытащил из папки листок, – список конфиската с хазы Зелёного. Смотри. Бобинник «Акай», двухмоторный, с реверсом, три головки... Мечта жизни! Мне ж на такое до старости копить. Может, прихарить?

– Прихарь, конечно. «Комок» с того не обеднеет. И так жируют.

Савелий просветлел лицом.

– Слушай, может, и тебе чего надо? Ну, приёмник «Грюндик», или магнитола классная, «сонька».

– Спасибо, друг. Приемник у меня есть. Значит, в какую психушку закрыли?

Савелий помолчал.

– Знал, что заинтересует.

Зазвонил телефон.

– Да, товарищ подполковник! Начальство, – прикрыл трубку ладошкой. – Никак нет. Конечно, не отвечает, вот он у меня в кабинете... Ага... Да... Всё. Понял.

Глаза у Савелия были круглые.

– Димыч, ты это... Я чисто на автомате. Шеф тебя разыскивает. Домой звонил. Извини, если что. Поднимись к нему, говорит, срочно.

– Так куда этих упекли?

– А? А! В первую психиатрическую, как всегда.

Дмитрий хлопнул друга по плечу.

– Без обид. Оно даже к лучшему. Всё равно добрались бы.

И пошёл к шефу.

Товарищ подполковник, в точности как и Савелий, не восседал в начальственном кресле, а разгуливал по кабинету, разве что более обширному, чем у простого опера.

– Такое дело, Дима, – без обиняков начал шеф. – Не знаю, что ты натворил, но тебя срочно желает видеть Михалыч.

Михалыч – перевода не требуется. Владимир Михайлович

Буров, генерал-майор, начальник областного УВД. Большой человек. Раз в год по праздникам видим.

– В общем, я ему отзвонился, он выслал за тобой машину. С минуты на минуту. Смотри, Дима, будь осторожен. Лишнего не болтай, честь отделения не посрами. И запомни, – шеф доверительно наклонился поближе, – Михалыч – хитрая бестия. Вид добродушный, но ты не верь, и обещаниям тоже не верь. Никаким. Понял?

– Так точно, понял.

– Иди. Подъедет чёрная «Волга» – значит, за тобой.

Чёрная «Волга». Однако... Дмитрий рассчитывал на обычный уазик. А тут – королевские почести. Эх, не сносить тебе головы, товарищ старший лейтенант. И до близнецов не добраться.

Глава седьмая

В кабинете у Бурова было прохладно – чудо-юдо, кондиционер «Баку» грохотал и завывал, но дело своё делал исправно. Сам Михалыч расплылся в кресле, выпятив брюхо, отечески улыбался замершему по стойке «смирно» оперу. С широкого, немного обрюзгшего лица. Только глаза... серые буравчики лениво сверлили гостя. Генеральский китель небрежно накинут на плечи, видать, Михалыч опасался застудить спину.

Дмитрий много чего слышал о главе областной милиции

и знал: Буров – настоящий профессионал, с серьёзным послужным списком. И без советов шефа знал.

– Да ты расслабься, старлей, не на эшафоте, – Михалыч всё улыбался. – Прямо как не наш. Присаживайся вон.

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор.

– Слушай, оставь ты это бряцание. Давай по имени-отчеству.

– Хорошо, Владимир Михайлович.

– Вот и хорошо, что хорошо. Одно дело делаем. А ты у нас прямо герой. Год назад, смотрю – контузия на операции, а вчера так вообще. Вот, думаю, орденом тебя пора награждать.

Дмитрий молчал. Буров к чему-то клонит, пусть сам и выведет.

– А потому, *на* тебе бумагу и ручку, и не валяй дурака, пиши, как оно всё вчера на самом деле происходило, – вроде бы так же добродушно, но с холодком сказал Михалыч. – Ведь не просто так на Левицкого прохлаждался? Нет? Так и пиши. А там решим про ордена.

Дмитрий задумался. Ясно, что врать бессмысленно. Он начал писать: «Вчера, такого-то числа, я, такой-то, получил телефонное приглашение от сотрудника Городского Управления...». Писал долго, умолчал только о самоубийстве Геракла, подсократил беседу с Хавченко, описал близнецов... Невзирая на прохладу в кабинете, спина взмокла. К тому же, Буров не курил, это знали все, и курильщиков недолюбли-

вал. А закурить страсть как хотелось. Закончил сочинение, подписался.

Буров принял бумагу, пробежал взглядом по тексту, усмехнулся.

– Это хорошо. Хорошо, что не врёшь, старлей. А вот что не всё договариваешь – плохо. Ладно, с бумажкой этой, – он потряс «сочинением», – где надо разберутся. А я так скажу: или тебе ещё одна звёздочка на погон и медалька, или... Да, – отвлёкся он на селекторный вызов. – Невменяемый? До сих пор? Даже так? На судмед его. Твой вчерашний, – Буров добродушно улыбнулся, – никак в разум не придёт. Или ты его удачно оглушил, или?..

Он вопросительно уставился на Дмитрия.

Чувства старлея обострились, как никогда. «Пора делать ход», – понял он.

– Скорее, «или», Владимир Михайлович. Разрешите присутствовать при освидетельствовании!

– Эвона ты куда хватил. Ну, нет. Этого я не могу. Я, хоть и генерал, но не господь бог. Да и шут его знает, когда освидетельствование то будет.

– Товарищ генерал, – глядя в пол, отдельно произнёс Дмитрий. – Я. Прошу. Присутствовать на территории клиники при передаче медикам задержанного. Просто так меня туда не пустят.

– Аргументы? – прищурился Буров.

– Будут. Потом.

– Хорошо, предположим... предположим.

Генерал порылся в ящиках стола, вынул бланк, заполнил, приложил печать и протянул Дмитрию.

– Вот это предъявишь в клинике – пропустят. Дуй, бесов сын, твоего клиента уже повезли.

– А это... «Волгу» не дадите?

Буров глянул на часы.

– Нет. Обед скоро. Своим ходом дуй. Орёл...

«Этот тайм мы уже отыграли», – мысленно напевал Дмитрий, летя на случайно подвернувшемся такси в «психушку». Ехать предстояло через весь город. Время подумать было. Словоохотливого водилу он заткнул «корочкой», и теперь катили в молчании.

Муторно было на душе у старлея. Ясно, вошёл в большую игру. Сумел сделать удачный ход. Даже два. Не стал кривить душой у Бурова и прорвался в клинику. Вот только кто он в этой игре? Пешка или повыше? Не ферзь, точно. Но... выходит, и не пешка. Ясно, Буров сам хотел, чтобы Дмитрий поехал в клинику. Мог приказать, но ждал инициативы. Это ему понравилось, факт.

Ясно, что его «пасут». Ясно даже – почему. Сейчас козырь с клиникой у него уйдёт. Игра продолжается. Ставка – близнецы. Чёрт бы их побрал, но он, Дмитрий, должен взять их за жопу. Должен!

– Приехали, товарищ капитан! – повисил его в звании таксист и принялся скрупулёзно отсчитывать сдачу.

Дмитрий только рукой махнул и устремился к пропускной.

На пропускной хватило удостоверения, а вот для корпуса тяжёлых нервных расстройств понадобилась генералова грамота. Неприветливая медсестра сообщила:

– Сперва на третий, отметить у Николая Степановича.

Дмитрий глянул непонимающе, и она добавила раздражённо:

– У главврача! В первый раз, что ли?!

Николай Степанович, похожий на сушёную воблу, засунутую в белый халат, чуть ли не обнюхал «грамоту».

– Ну, Бурову виднее, – пробормотал он.

И добавил громче:

– Вам на первый этаж, в ординаторской лечащий врач Максим Олегович Дубровин. Все вопросы к нему.

Накарябал что-то на бланке, расписался. Приложил печать. Почерк Дмитрий разобрать не смог.

Максим Олегович оказался невысоким подвижным брюнетом с быстрым, но точным взглядом. Да, пациента, вернее, задержанного, доставили. Состояние? Как вам сказать. Стабильно тяжёлое. Агрессивен, маниакальное поведение. Нет, пока, до экспертизы, никакого лечения, только диагностика. Анамнез, так сказать, затруднён, сами понимаете. Санитары зафиксировали, конечно. Да, можно просто Макс, какие вопросы. Мы где-то ровесники. Да, а я пятидесятого. Возраст Христа, так сказать. Близнецы? Близнецы поступили.

Как вам сказать? Тяжёлый случай аутизма, но замечательно интересный, всё-таки аутизм у близнецов – нечастая штука. Думаю, статейка получится, если не монография. Нет, безобидны, совсем безобидны. Конечно, задержанный в наблюдательной палате, по коридору направо, да, изолирован, а близнецы – палата двадцать три. Да не за что. Это мой долг.

Дмитрий вышел. Неуютно. Вот куда бы не хотелось ни за какие коврижки. К словоохотливому доктору Максy.

Он двинул по коридору. Из-за какой-то двери раздавался заунывный монотонный вой. В другой палате кто-то громко и с выражением читал стихи. Ага. Коридор буквой «Т», и у «ножки» табличка: «Боксы строгой изоляции». Жуть пробрала старлея: из противоположного конца коридора приближались две одинаковые фигуры. Он метнулся вправо, ага, вот она – «наблюдательная палата», надавил на двери – заперто.

Близнецы – в больничных пижамах, тапочки бесшумно ступают по кафельному полу, лица спокойные, отрешённые. Каким-то сдвигом сознания, самым краем, Дмитрий увидел... ощутил... понял – они уже не совсем одинаковые. Чем-то отличаются. Чем? Ну, ребята, как в бокс попадёте?

Один близнец нажал кнопку звонка. Дмитрий обругал себя за идиотизм – почему не заметил? В двери открылось за решёченное окошко.

– Разрешите войти? – сказал один.

Или оба?

Дмитрий не сомневался – разрешат. Тяжёлая дверь распахнулась со скрежетом, близнецы вплыли в палату, а Дмитрий сунул под нос генералову бумагу попытавшемуся преградить путь медбрату. Или санитару, хрен их разберёт.

Кагэбэшника зафиксировали жёстко. Лежал, прихваченный к койке и за руки, и за ноги, и за талию. На лице – звериная злоба. Но – увидел близнецов, глаза вспыхнули.

– Ребята! – прохрипел задержанный. – Пришли! Не бросили! Ну, теперь мы этот курятник распотрошим! Всех уродов порежем. Ненавижу гадов, ненавижу! Плесень, черви, ничтожества, только жрать и еб...ться им...

Близнецы нависли над койкой и пристально глянули ему в глаза.

– Кто мы?

«Не беспомощно. Уверенно», – отметил Дмитрий.

Задержанный дёрнулся раз, другой, забился в судорогах, пытаясь высвободиться, коротко, страшно вскрикнул – и обмяк. По вискам его текли слёзы.

Двое синхронно развернулись.

– Стоять! – скомандовал Дмитрий.

Остановились.

– Вы что творите, уроды? Вы что с людьми делаете? Не выпущу, пока не расколется. Не забыли? Я вас «увидел», я один, сами признались!

– Не увидел. Сопоставил. Ошибка.

– А ну стоять, кому сказал!

Близнецы пошли прямо на Дмитрия. Он схватил обоих за предплечья и с воплем отдернул руки: правую ладонь обожгло лютым холодом, будто в жидкий азот окунул, а левую – как к раскалённому металлу приложил.

Двое обошли его невозмутимо, словно предмет мебели. Дмитрий подул на ладони. Будут ожоги, факт. «Если бы ты был холоден или горяч» – вспомнилось. О чём там говорил хрыч Георгий?

– Ты, эта, товарищ, – вдруг подал голос медбрат, – с задержанным уже всё? А то вон...

Дмитрий ещё раз глянул на кагэбэшника. Тот содрогался в рыданиях.

– Да. Спасибо.

Близнецов искать бесполезно. С их-то способностями. Дмитрий мрачно зашагал прочь. На солнце стало легче, даже боль отступила. Он присел на лавочку в больничном дворике, неловко достал папиросу, закурил. По больничному саду прогуливались пациенты, некоторые с родственниками. Осмотрел ладони. Красные, но, похоже, обойдётся без волдырей. Докурил, потянулся. Дальше-то что? Увидел, убедился. Будто и так не догадывался. Выбирайся теперь отсюда – автобус раз в два часа, считай, за городом...

Он снова ошибся. Выбираться не пришлось. Сразу за воротами ожидали двое в штатском. Вежливые. Один предъявил удостоверение аж целого майора КГБ.

– Дмитрий Игоревич, прошу в машину.

– Подвезём! – добавил второй.

Подвезли. «По-моему, я здесь недавно был», – думал Дмитрий, когда служебная «Волга» заезжала в ворота монастыря КГБ. Вот только временного пропуска никто не выдал.

– Прошу следовать за мной, – так же церемонно сообщил майор, выпуская Дмитрия из машины у входа в главный корпус.

Поднялись на третий этаж и остановились у дверей с табличкой: «Симоненков С. В». Дмитрий еле удержался, чтобы не присвистнуть. То главный «мусор» области, а теперь вот – начальник городского УКГБ, полковник Сергей Викторович Симоненков. Майор сделал приглашающий жест, и Дмитрий вошёл.

Симоненкова в лицо он раньше не видел никогда. Был это высокий, крепкий мужчина лет пятидесяти, в молодости наверняка спортивного телосложения, да и сейчас ничего, если бы не слегка выпирающий живот. Седина на висках, лицо волевое, глаза... глаза умные, но взгляд... не понять. Нет выражения у взгляда. Воля есть, выражения нет.

На стене – куча дипломов, грамот, а вместо портрета Дзержинского, Ленина или Генсека – сам Симоненков с нынешним Генсеком на пару. И оба моложе лет эдак на двадцать. Наводит на мысли...

– О! Вот и герой!

Симоненков поднялся и через стол протянул руку.

Это было неожиданно, но Дмитрий ответил. Рукопожатие

у главного спецслужбиста было что надо. Симоненков жестом указал на стул.

– Чай, кофе, лимонад?

– Хватит воды, товарищ полковник.

Дмитрий показал на графин и два стакана.

– Отлично, Дмитрий.

Чем-то Симоненков Дмитрию нравился. Хотя, с другой стороны, работа у них такая – симпатию, когда надо, внушать.

– Распишитесь.

Дмитрий взял бумагу. Ого. Расписка о неразглашении государственной тайны. Всё-таки взяли в игру. Отчего не расписаться?

– Давай так, старлей. Я тебе кое-что расскажу, даже много расскажу, из такого, чего никому знать нельзя, но и ты нам расскажешь. Баш на баш. Сыграем по-честному. Дело государственной важности, если ещё не догадался.

– Догадался.

– Договоримся о терминах. Этих двоих называем «объект», а то, что они делают с людьми – «захват».

– Захват... Точное слово, товарищ полковник.

– Геракл, земля ему пухом, про Хавченко у тебя разведал?

– Не разведал. Не так дело было.

Дмитрий рассказал, как. Гере уже всё равно, а делу, глядишь, поможет. Только какому делу?

– Тут ведь как, Дмитрий... Благодаря этому он и не вы-

летел со службы. Убедил меня устроить засаду в пивбаре. Операция «Контакт». Людей у нас мало, подготовленных – совсем нет. Поспешили, рано было вязать. Ждать надо было, пока захват не пойдёт.

Дмитрий решил промолчать. Молчание – золото.

– Доставили их к нам, и началось. Выяснили, где работают. Метнулись на завод – а там сплошные странности. Ни имени их нет, ни фамилий, но все их знают, все помнят. Кадровичка чуть с ума не сошла – говорит, всё оформляла по закону. Кассир зарплату выдавала. Без ведомостей. В цеху работяги характеризуют положительно, но ничего конкретного сказать не могут. По месту жительства тоже – старушка божий одуванчик: сынки и сынки...

Ага, божий одуванчик, не без злорадства подумал Дмитрий. «Молчание – золото»!

– Самая чертовщина началась, когда их по отдельным камерам развели, прессовать всерьёз. Как к фантастике относиться?

– В смысле? К литературе, что ли?

– Конечно.

– Я как-то вообще мало читаю.

– Зря, Дмитрий. Читать надо много. И фантастику тоже. Итак, чтобы тебе было понятно, в каждой камере их всё равно было двое.

«Молчание – золото!»

– Вижу, тебя ничем не удивишь. А наши работники чуть

с ума не сошли. Объект утверждает: мы можем быть только вместе, всё, точка. Тут и меня вызвали, я был в отъезде. Лично убедился. И Геракл мне не понравился. Всё его к объекту тянуло. Не в смысле расследования.

– Понимаю.

– К ночи на них плюнули, пусть уже будут в одной камере, а они исчезли. Твой ход, лейтенант.

Дмитрий – в который раз – рассказал о ночном визите Геры, утреннем визите близнецов, вызове в КГБ, последнем разговоре с Гераклом, беседе с Хавченко и захвате взбесившегося дежурного по управлению. И последний штрих – больница. Откровенность за откровенность. Как он сказал – баш на баш? Ну, получи. Вспомнил про термические эффекты, хотел показать ладони, но вдруг понял, что руки-то – не болят. Глянул украдкой – ладони как ладони, чистые. Этот козырь в игре оставим. Хотя, может, это и не козырь окажется.

Симоненков потёр виски. На лицо будто уронили маску усталости.

– Выводы, выводы, старлей. Мы должны понять, что такое «захват».

Дмитрий пожал плечами.

– Тут как раз всё понятно. Объект усиливает в человеке до предела... как бы это... то, чего тот больше всего от жизни хочет, такое, в чём иногда сам себе не признается.

– Главную волевою доминанту.

– Как? Ну, да, красиво сказано.

– Усиливает или внедряет своё?

– Ясно же, что усиливает. Хавченко. Главная мечта – вечно бухать с понимающими собутыльниками. Гера... – Дмитрий осёкся.

– Да, ты прав. Только почему из людей только дерьмо прёт? Обидно.

– А это ещё бабушка надвое сказала, товарищ полковник. Дерьмо на то и дерьмо, что воняет. И воняет крепко. А хорошими делами прославиться нельзя. Может, они кого и на хорошее сподвигли, только кто об этом узнает?

– Да, тут ты меня, старлей, подловил. Версия принимает-ся. А сам-то как?

Вот он, главный вопрос. Есть человек, бывший в захвате, и вроде – ничего. Осторожно, Дима, осторожно.

– Сам-то... Много думал, товарищ полковник. Был захват, не отрицаю. Понесло меня в оперативно-розыскную степь. С тех пор, несомненно, обострилась интуиция и аналитические способности, оперативные навыки усилились.

– К объекту тянет?

– Тянет. Но в том же ключе. Разобраться и повязать.

– Отлично. Хоть один нормальный. И второй – под наблюдением специалистов.

– Там уже лечение надо.

– Да, мы следим за развитием ситуации. В общем, старлей, как бы Михалыч не пугал, а быть тебе капитаном. И награду

получишь – от нашего ведомства, так весомее. Не Михалычу со мной папахами мериться. Геракл покончил с собой – это уже факт.

– Если я инсценировал его самоубийство, зачем бы выпускать Хавченко?

– Так и Хавченко той же ночью...

– Суицид?

– Так точно. Поэтому будем нашего сотрудника лечить и опекать. – Симоненков снова потёр виски. – Понимаешь, Дмитрий, что такое неуправляемый фактор в стране? В нашей стране?

Дмитрий кивнул.

– Ни хера ты не понимаешь, опер. А если я в захват попаду? Или секретарь обкома? А о том, что у нас ядерная держава, ты забыл?!

– Ох, мать его...

– Боюсь я. Просто по-человечески – боюсь. Всякого видал, но такого...

Симоненков открыл шкаф, вынул коньяк. Импортный. Плеснул сразу по полстакана.

– Давай, капитан, за нашу победу. До дна.

Они чокнулись, Дмитрий вылил в себя огненную жидкость. Удивительно, но закусывать не понадобилось. Умеют делать буржуи.

Глава восьмая

Старший лейтенант Белозёров ошибся. То ли переоценил Дмитрий своё новоявленное чутьё, то ли последствия нового контакта с «объектом» сказались, но близнецы не покинули клинику. Просто вернулись в палату номер двадцать три.

Вечером дежурный врач – а это как раз был всё тот же доктор Дубровин – после просмотра новостей решил сделать обход больных. Формально обязательный вечерний обход многие врачи запросто пускали побоку, но к алкоголизму Макс был не склонен, с медсёстрами шашней не заводил, памятуя золотое правило: где живешь, там не гадь. Не спится, а занять себя чем-то надо. К тому же, погода за окном менялась – синих летних сумерек не случилось, город накрыло плотной тучей, вдали слабо ворчали раскаты грома.

Максим выбрался из ординаторской, зевнул. Прошёл мимо поста дежурной медсестры. Дежурила нынче Зинаида, тридцатипятилетняя жилистая тётка ростом под метр восемьдесят, с лошадиной челюстью, узкими, вечно поджатыми губами, малоразличимой грудью и сорок пятым размером обуви. Макс её недолюбливал, хотя та могла в одиночку любого больного усмирить.

– На обходец, Максим Олегович? А укольчики-таблеточки потом?

– Потом, Зина, потом.

Обход – рутинное, в общем, дело. Осмотр пациента, опрос, пометка в журнале – следующий. Однако перед палатой номер двадцать три доктор Дубровин ощутил прилив воодушевления. «Аутисты»!

Близнецы недвижно сидели на койках. Макс поставил стул посреди палаты, уселся.

– Что, ребята, как самочувствие? Молчите? Как же мне вас расшевелить? Ничего, завтра начнём работать. Эх, а ведь я вам где-то завидую. Посижу с вами. С кем ещё поговоришь, душу выльешь? – доктору вдруг сделалось необычайно уютно, молчаливые собеседники внушали доверие, с ними – и поговорить о наболевшем, хоть и пациенты, а всё же люди, не манекены. – Плохо мне тут, ребята. Три раза курить бросал – всё равно начинаю. Страшные тут дела творятся.

Близнецы глядели на него, и было в их взглядах столько искреннего сочувствия, что доктор Дубровин незаметно для себя уже полагал, будто собеседники не только осознают его слова, но и целиком, как говорится, разделяют и поддерживают.

– Что благодарные родственники и пациенты несут – это ладно, это правильно. Зарплата врача – сами знаете. Чаше, конечно, конфеты и бухло – не поверите, пацаны, уже не знаю, куда эти бутылки девать – иногда товар какой дефицитный, но лучше бы почаще деньги несли. Хотя и связи, да. Знакомства тоже важно. Это правильно. Если б к нам ещё диссидентов не сплавляли на лечение, вернее – так называ-

емое лечение. Диагноз «вялотекущая шизофрения» знаете?

Двое кивнули, приведя Макса в состояние, близкое к восторженному трансу. Свои люди! Можно доверять наболевшее!

– Не могу я здоровых людей калечить! Я же врач, я клятву давал! Для кого-то, может, пустой звук, а я так не хочу! За последние два года троих нам присылали. Двоих потом выпустили – там психика восстановится, психика, братцы, вообще штука пластичная, – третьего обратно забрали... туда. Ну, вы понимаете.

Они понимали. И Макс понимал, что понимают, и что понимают, что он понимает, что они понимают... Матрёшка в голове играла яркими красками, и доктор сбился на скороговорку.

– А с девчонкой этой – не могу, ребята, не могу, это уже выше моего понимания, что с ней творят, нельзя так с человеком, пусть она хоть настоящий антисоветчик, но чтобы так глушить, и санитары её месяц каждый день насиловали, пока ей всё равно не стало, а я даже к главному ходил, хоть верьте, хоть не верьте, ходил, что ж вы делаете, а упырь этот, согласно моим сведениям, лечение протекает по правильной схеме, и вообще, молодой человек, не суйте свой длинный нос, прищемят, вот так, а что я могу? Что я могу?!

Макс перевёл дух. Закурил. Закашлялся. И медленно произнёс:

– А я могу. Ребята. Давайте её освободим. Вы ведь мне

поможете? С санитарями я управлюсь: скоро придут спирт клянчить. Я туда две ампулы клофелина...

– Три, – неожиданно сказали близнецы.

– Что – три?

– Три ампулы.

– Эх! – доктор Дубровин стукнул кулаком о ладонь. – Я так и знал! Вы ж медики! Точняк, на таких бугаёв в аккурат три ампулы. И салазки не загнут, и спать будут мёртво. Только вот Зинаида ещё... Что-нибудь придумать надо... Придумаем, а?

И понял – придумают.

– Сейчас я клофелин забодяжу, Семён же при этом... в наблюдательной неотлучно, значит, загляну, они и спросят насчёт «накатить». Ну, была не была.

Макс, решительно сверкая карими глазами, заломив густую бровь, вышел из палаты, держа на лице выражение крайней озабоченности. Быстро вернулся в ординаторскую, отцедил в мерный стакан двести граммов спирта, вытянул шприцом содержимое трёх ампул и вогнал в спирт. Так же решительно ворвался в наблюдательную – на ночь её никто не запирает.

Санитары были оба здесь.

– Как пациент?

– Хреново, Олегович, – отозвался Степан. – Как мешок с говном.

Макс бегло осмотрел лежавшего лицом к стене лейтенан-

та – да, симптомы депрессии проявлялись с невероятной скоростью, но сейчас доктору Дубровину было не до этого.

– Олегович... Нам бы это... вечерок скрасить...

Санитары получили свой спирт. Макс выждал для верности минут пятнадцать. Сидеть он не мог – метался по ординаторской, курил одну за другой. Небо расколосось вспышкой, хлынул ливень. «Пора», – решил доктор.

Возле наблюдательного поста дежурной медсестры отсвечивали пижамами близнецы. Сама Зинаида возвышалась над ними и что-то излагала. Рядом сверкала хромом тележка со шприцами и препаратами.

– Максим Олегович, хороший ты мой, – Зинаида так резво кинулась к доктору, что он чуть не отскочил в сторону. – Давай сегодня с этой сучки начнём? Давай, а?

– Это вы о ком, Зина? – на всякий случай уточнил доктор, хотя уже догадался.

Придумали! Ребята что-то придумали!

– Со шлюхи этой антисоветской!

– За что ж вы её так?

Зинаида упёрла руки в боки.

– Ей, значит, жужжать можно, да? Она, значит, советскую власть не любит, и ей можно? Я, может, тоже много чего не люблю, да только не жужжу, вон, клизмы молча дебилам твоим ставлю да капельнички! А эта, значит, страдалица! Шлюха!

– Зина, что вы, право. Знаете, что не по своей воле.

– Расскажи кому другому! Кабы не хотела – голову себе об стену б разбила, вены бы перегрызла. А раз терпит – хочет. Ненавижу этих чистеньких. С этого дня – фиксировать сульфазин. И двойной галоперидол, и аминазин. Чтобы овощем стала, чтобы ссала под себя, но жила!!! Жила, гнида!

Всё это Зинаида изрекала, двигаясь размашистым шагом, катя перед собой лязгающую тележку. Невысокий доктор еле поспевал следом. Двое держались чуть позади.

– Открывай, – рявкнула медсестра.

Макс пожал плечами, отворил бокс.

В тусклом жёлтом свете слабой лампы – маленькое, без окон, помещение. Из мебели – только койка да привинченный к полу табурет. На койке женщина: пустой равнодушный взгляд серых глаз, сбитые в колтун светло-русые, словно выцветшие, волосы, белое, прозрачное даже в этом болезненном освещении лицо. И нельзя сказать, было ли это лицо красивым или, напротив, не очень – оно никакое, пустота льётся откуда-то изнутри и не даёт понять.

– Эй, красавица, а ну, спускай штаны, – бушевала Зина.

В руках у неё холодно блеснул первый шприц. Сульфазин. Две инъекции в ягодицы – и пациентке, да полно, какой пациентке – жертве, станет нестерпимо больно. А шелохнуться не сможет.

– Пошевеливайся! Ну, кому сказала, жопу подставляй.

Женщина медленно и равнодушно откинула одеяло и принялась поворачиваться на спину.

Дохнуло холодом. Мимо Макса промелькнула тень – он не сразу сообразил, что это близнец. Тот взял медсестру за предплечье – тем же жестом, каким его давеча хватал Дмитрий, и небрежно толкнул на табурет.

Зина ойкнула, шприц упал и разлетелся вдребезги.

– Кто мы? – голоса прозвучали громом, не хуже, чем только что за окном.

Зинаида закатила глаза, содрогнулась, уронила голову на грудь.

– Жить будет? – деловито осведомился доктор Дубровин.

Двое кивнули.

Женщина на койке лежала, подложив руку под голову, и смотрела куда-то в одной ей ведомые дали...

У изголовья встал второй близнец. «Как я их различаю»? – запоздало удивился доктор, и тут же понял – от этого веяло теплом. Близнец сомкнул ладони над головой женщины. Веки её медленно смежились, черты лица смягчились, а дыхание сделалось ровным.

– Да... – тихо выдохнула она. – Да... Так... Так хорошо.

И стала медленно садиться. Близнец продолжал держать ладони сомкнутыми над её головой, не касаясь, однако, волос.

– Я помню... лето, у бабушки на даче... качели... папа ловит рыбу... папа, не надо, она живая, ей больно...

Близнец уже не просто держал ладони, он делал движения, будто месил невидимое тесто.

– Школа... Антон... зачем лезть целоваться, когда не умеешь?... ура... я поступила... сессия... Иван... Сергей Анатольевич... кружок... Стругацкие... хватит... хватит!

Близнец сделал особенно закрученное движение и резко отдёргнул руки.

Серые глаза открылись.

А ведь они не совсем серые – с зеленцой.

Женщина смотрела осмысленно, смертная тоска ушла с лица.

– Что происходит? – спросила она.

– Женечка, послушайте, – заторопился Дубровин. – Мы пришли спасти вас.

Подобие улыбки скользнуло по бескровным губам.

– Вы шутите. Это какой-то очередной иезуитский эксперимент.

– Нет! Пойдёмте же. У нас мало времени!

Дальнейшее доктор помнил туманно. Вот он запер Зину, храпящих санитаров, вот пишет близнецам адрес – отвезёте, там укроют. Вот звонит на проходную – Корнилыч, отворяй, срочный вызов. Вот лихорадочно ищет в каптёрке, во что бы переодеть Евгению, близнецы свою одежду отыскивали, а для Жени нашлось лишь замызганное драповое пальто, ничего, сойдёт. На улице ливень, доктор под козырьком машет на прощанье больничному катафалку, – так персонал называет это почтенное средство передвижения, но двое возвращаются и, не обращая внимания на струи воды, стекающие по ли-

цам, глядят в само сердце:

– Кто мы?

«Пациенты», – думает доктор. Боже, конечно же, пациенты. А он? Что он наделал? Совершил преступление, говорит голос внутри. Восстановил справедливость, возражает другой. «Шизофрения», – обречённо ставит сам себе диагноз доктор.

Машина вылетает за территорию. Ещё не поздно позвонить, перехватят. А он что-нибудь да придумает. Доктор на ватных ногах возвращается в ординаторскую и набирает ноль-два.

– Алло, это... это скорая помощь?

– Мужик, ты чё, нажрался, пальцем в нужную дырку не попадёшь? – донеслось из трубки. – Милиция это, а «скорая» – ноль-три.

«Не могу», – доктору сделалось вдруг легко. Пусть будет так. А он тоже не пропадёт. «Москвичонок» припаркован за «пожарной калиткой», двоюродная тётя по матери в Донецке после двух замужеств – не вычислят. Сейчас домой, самое необходимое, сберкнижку, деньги, документы – и на вокзал.

– И хрен меня достанешь! А девочка пусть живёт.

Доктор показал неведомо кому выразительный русский жест.

Красный москвич, натужно скрипя дворниками, пёр сквозь ливень к вокзалу. Доктор Дубровин улыбался. Он был счастлив.

События в больнице никаким краем не задели Дмитрия. Никто больше его никуда не вызывал, никто не дёргал. Наслаждайся отпуском, опер!

Не тут-то было. Смутное беспокойство поселилось в душе старлея. Он вроде бы бездельничал, ходил в киношку, даже купил фантастическую книгу, вспомнив наставление Симоненкова. Прельстился звучной фамилией де Спиллер, раз пять честно начинал читать и бросал – байда какая-то, звездолёты, бластеры-шмастеры, всё какое-то ненастоящее, деревянное не живое. И чутко отслеживал городские новости: покупал «вечёрку», стал захаживать на чай к Зинаиде Германовне. Пенсионерка охотно делилась свежими слухами.

В городе и вправду продолжалось. Германовна поведала, что сняли Первого – якобы внеочередная сессия, за что, с какой формулировкой – покрыто мраком. Дмитрий ждал. Не может быть, чтобы его выкинули из игры: кто ещё устоит перед гипнозом близнецов, у него есть информация и чутьё на них. В почтовом ящике обнаружилось письмо с работы – официально уведомляли о присвоении очередного звания; выбросил в мусор. Следом уведомление из Комитета, за подписью Симоненкова: о награждении медалью «За отличную службу при охране общественного порядка»; отправил туда же. Неужели Симоненкову больше сказать нечего?

А потом враз отпустило. Так отпустило, что Дмитрий на радостях напился и ещё два дня приходил в себя. На третий

позвонил Савелий и полушёпотом давай сообщать, что, по слухам, Буров давеча улетел в Москву, да так и не вернулся, что-то, говорят, нехорошее вышло, и теперь на его место то ли «варяга» ждут, а может, и нашего до полкана повысят, ну и, сам понимаешь...

Дмитрий повесил трубку. Близнецы в Москве, это ясно. Там их не достать. Быть посему.

Вечером он наминал картошку с тушёнкой, когда в открытое окно влетел увесистый предмет и ударился об пол, чуть не огрев крутившегося вокруг этюдника Тимура. Дмитрий подорвался – выскочить в окно и надавать по шее, но кинул взгляд на предмет и передумал: что-то, завёрнутое в бумагу и обвязанное верёвкой.

«Что-то» оказалось таки булыжником, а вот на внутренней стороне бумаги крупными буквами размашисто выведено: «Приходи, как стемнеет. Нужна помощь. о. Георгий».

«о.», – а, отец Георгий!

Апатию как рукой сняло.

Она была словно из китайского фарфора. Худая, как спичка, бледная до прозрачности, но с невозможными серо-зелёными глазами...

Дмитрию стало стыдно. Как же он прокололся, почему не «дожал» близнецов в больнице, почему не догадался, куда делось хвалёное чутьё? С другой стороны – вот они, невозможные глаза... Интересно, что с доктором Дубровиным? И

почему всё-таки его, Дмитрия, проигнорировали. Обида и злость играли в капитане Белозёрове.

– Вот так Господь управил, – закончил историю отец Георгий.

И шумно глотнул из чашки.

– Это ты её тогда не видел, сынок, – продолжил он. – Сейчас вычухалась маленько.

– Евгения, – перебил его Дмитрий, – вы подтверждаете, что вас излечил, мнэ... близнец?

– Я плохо помню события до этой минуты, – она говорила очень спокойно, с лёгкой иронией. – Знаете, когда вам ежедневно вкатывают два кубика аминазина и ещё кучу всякой дряни, поневоле перестаёшь соображать. Но – да, отец Георгий очень точен в описаниях.

– А как же вас, за что?

– О! А вы и не догадываетесь?

– Одно дело догадываться, другое – знать. От моих догадок мало проку.

Дмитрий с некоторым злорадством глянул на священника, мол, принимай обратно свою же подачу.

Тот лишь усмехнулся в бороду.

– Приехала из Подмосковья, поступила в Московский Горный, на четвёртом курсе образовалось что-то вроде кружка. Стругацких перепечатывали... Даниэля с Синявским, статьи Сахарова по теории конвергенции.

– Чего?

– Теории постепенного стирания различий между капитализмом и социализмом.

– Экая антисоветчина.

– Так мне и сказали в Конторе Глубокого Бурения. Товарищ майор. Или в тюрьму или...

– Это понятно, в осведомители.

– Вот именно. Пришлось отказаться и от того, и от другого. А он мне: тогда, гражданочка, есть третий путь... понимаете?

– Да уж. Услуги интимного характера.

– Я ведь красивая была... Исцарапала его холёную харю в кровь.

– Всё, дальше понятно, – оборвал Дмитрий. – Не может советский человек в здравом уме и твёрдой памяти применить насилие к работнику органов. Только сумасшедший.

Да, такого комитетчики не прощают. Девчонку закатали по полной. Если бы не доктор Дубровин, ещё год-два догнивала бы. И всё.

– Димитрий, – прогудел отец Георгий. – Помочь девочке надо.

– Кстати, сколько девочке лет? Извиняюсь, конечно...

– Двадцать три, – тихо ответила Евгения.

Господи... Дмитрия пробрал озноб. Это ж как надо над человеком издеваться. Ах, молодца девка, вон, глаза какие... какие глаза.

– Нельзя ей больше у меня, опасно. Да и документы нуж-

ны. Паспорт бы новый.

Чего-чего?

– Граждане, вы понимаете, на что меня толкаете?

– Конечно! – подтвердил отец Георгий.

Ладно, антисоветчина... дело такое. Конвергенция какая-то. Но... Не любил Дмитрий связываться со всякими скользкими делами. Досада и злость вскипели с новой силой.

– Не могу я противоправными вещами заниматься.

– Бойтесь, – с лёгким оттенком презрения сказала она.

– Нет, доченька, – неожиданно возразил Георгий. – Не трус он. Под пули бандитские ходил – не боялся. Тут иное.

Что ещё за иное?

– А! – она улыбнулась. – Как я сразу не поняла. Вы – правильный мент. Я думала, это только в кино.

Дмитрий помолчал.

– Да. Я – правильный мент.

– Господи, как же не хочется снова *туда*, – сказала она.

Почти равнодушно сказала.

– Эх, сынок, – Георгий подался вперёд, так, что чуть носом своим мясистым Дмитрию в лицо не упёрся. – Есть польза и вред. Для того законы писаны, чтобы пользы было больше, а за вред наказывать. А есть добро и зло.

– А разница?

– Добро – это то, что от любви сделано. Только не от любви к себе. А зло – от ненависти. Посмотри на неё – ты её ненавидишь? Зла хочешь?

«А ты мне тут на жалость не дави», – чуть не слетело, чуть не сорвалось. Но не сорвалось, потому что вдруг всплыло в памяти усталое лицо Симоненкова и его же, Дмитрия, слова, гулко, как в пещере: «...хорошими делами прославиться нельзя. Может, они кого и на хорошее сподвигли, только кто об этом узнает»...

Схватился за голову. Сварганить паспорт – дело плёвое. Ребята не такие вещи проворачивают. Так почему? Почему?

– Почему?

– Что, Дмитрий?

– Почему они спрашивают «кто мы»? Почему помогли ей?

– А кто – мы? Разве они делают? Не мы ли?! – голос священника загремел. – Не наши ли пороки и добродетели – эти двое? Не думал так?!

Капитан медленно провёл ладонями по лицу. Будто липкое что-то стряхнул. Серо-зелёные глаза ждали приговора.

– Только имя вам, Женя, придётся подобрать другое.

Сверкнули глаза.

– А мне никогда это дурацкое имя не нравилось. Как у мальчика. Хочу быть Надеждой!

– Станете Надеждой. И волосы русые это хорошо. Станете брюнеткой.

– Готова!

– Второй вопрос: как вы относитесь к котам?

– Я обожаю котов.

– Тогда поживёте пока у меня. Если кот разрешит. Квар-

тира однокомнатная, но я стану спать на кухне. Аргумент: у меня как раз искать и не подумают.

Отец Георгий пошёл к иконам в углу и принялся творить молитву.

Эпилог

– Димка! Да Димка же! Хватит дымить, когда уже бро-
сишь? Тащи салат на стол!

Надя Белозёрова стремительно влетела на кухню, бесце-
ремонно выдернула папиросу у мужа из зубов.

– Пошли, отец Георгий говорит – по телеку что-то инте-
ресное!

Год назад они расписались. Уже тогда фарфоровая ху-
дышка превратилась в ослепительную красавицу. Приду-
манная Дмитрием «легенда» отработала своё без сучка и за-
доринки. Праздник, на котором уместно быть только троим.
Он, Надя, и их крёстный отец – Георгий. И, конечно, Тимур,
куда ж без него. Кот уже залёг в засаде под столом, в пред-
вкушении добычи.

А на экране новый, молодой генсек уверенно и воодушев-
лённо вещал сперва о приоритетном развитии машинострое-
ния, потом о товарах народного потребления, а далее совсем
уж невозможное – «перестройка», «гласность», «застойные
явления»... Глаза у Нади разгорались, а Дмитрий... Дмит-
рий снова был в знойном лете восемьдесят третьего. Близне-

цы были там. Нет, не в восемьдесят третьем, и не в телевизоре, а в Кремлёвском зале... или рядом.

– Они там, – шепнул, наклонясь, Георгию. – Я знаю.

– Там. И в больших силах.

В «захвате» сам Генсек.

– Что теперь будет? – спросил Дмитрий громче, чем надо.

Жена услышала.

– Теперь всё изменится! Ты слышал? Слышал это? Видел этого человека? Вот увидишь, не пройдёт и двух-трёх лет, и мы будем в Москве! Всех наших выпустят, и мы такое устроим! Такое!

«И тебя я тоже потеряю», – понял он.

Надя уйдёт в свою стихию, начнёт снова менять мир к лучшему, а он... ему-то всё это глубоко до лампочки. Вот он мир – был, есть и будет. И ни в какую Москву он не поедет. Его место здесь. Он не хочет ничего менять. Он не хочет меняться. Он такой, какой есть. Почему? Почему так?

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты теплохладен, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих»...

– Теперь ты понял, – одними губами произнёс Георгий.

– Мужчины, о чём вы? Всё прекрасно! Я маму хочу повидать... она ничего обо мне столько лет не знает.

«Знает», – подумал Дмитрий.

Об этом капитан в своё время позаботился.

– Что теперь будет? – повторил он.

– Не PROVIDEC я, – вздохнул Георгий. – Ладно, оно хоть и не положено...

Достал из портфеля книгу. «Библия» – понял Дмитрий.

– Открой не глядя, ткни пальцем в строку, а я прочитаю.

– Суеверия, – фыркнула Надежда.

Дмитрий зажмурился и сделал, как велено.

Георгий принял книгу, взгляделся и чужим, далёким голо-
сом прочёл:

– «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „польнь“; и третья часть вод сделалась польнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

Где-то в необъятной запредельности вздрогнули и ржаво сдвинулись с места чаши вселенских весов.

Дмитрий Лукин. Леночка сдаёт экзамен, или Персональный отбор *(финансовая повесть с автомобильной динамикой и специальными эффектами)*

Предыстория. Спонсор в печали

Дядюшка Доу Джонс¹ по-прежнему добр ко мне. Садюга! Его родственники в других странах и на других площадках придерживаются той же линии. Семейные интересы превыше всего! И тут уж ничего не поделать.

Эти парни умеют ненавидеть. Не успокоятся, пока не сотрут жертву в порошок и не развеют по миру.

Любят они тоже неистово. Уже который год отвязаться не могу.

Но я не обижаюсь, пусть... если им так нравится... Я почти смирился. В конце концов, надо уметь проигрывать. Пора вылезти из этой песочницы и подыскать себе новое развлечение. Хватит, наигрался уже. Больше не хочу.

---

¹ Имеется в виду фондовый индекс Доу Джонса (DJIA – Dow Jones Industrial Average). Упрощенно вычисляется как среднее арифметическое цен акций тридцати крупнейших американских компаний.

Я бы давно перестал биться головой о стену в поисках заведомо провальных решений и призрачных возможностей, если бы не персонал. Моя гордость, моя слабость, мое ноу-хау и, в общем-то, просто хорошие люди. Выбрасывать на произвол судьбы или дарить чужим компаниям такие кадры – это предательство. К тому же обидное. Вложить столько сил и времени в каждого топ-менеджера, в каждого трейдера, в каждую девчонку-оператора на приеме платежей, слепить из них идеальную команду, а потом отойти в сторонку и наблюдать, как твое детище накрывается медным тазом?! Жаль, но, похоже, ничего другого не остается. Проклятый Доу Джонс меня достал!!! Я больше не могу выносить его доброту.

Хотя бы одна ошибка, одна потеря! Так нет же, только выигрыши, только прибыли и сверхприбыли! Никаких сбоев, никаких проблем. Стопроцентное везение в каждом финансовом начинании. Понятия риска не существует. Оно полностью атрофировалось. Мои хранилища и счета переполнены, а денежные потоки не оскудевают. Мне никто не мешает. Наоборот – все рады помочь. Всюду зеленый свет.

Только я заикнусь какому-нибудь бизнесмену об «интересном предложении», и он тут же, не дослушав, рвется подписать документы. Разве это не грустно? С чиновниками та же песня.

Никто не хочет со мной играть. Ни одной атаки на мою Корпорацию, на мои банки и компании. Ни одной инсайдер-

ской утечки. Никаких «маски-шоу». Даже критических статей в прессе нет. Одни панегирики.

Скука смертная. Оставлен и забыт. Будь здоров, Неуловимый Джо...

Разумеется, все это не просто так. Я вкалывал по шестнадцать часов в сутки, у меня отличная служба безопасности и конкурентной разведки, лучшие аналитики и все остальное в том же духе, но... если феноменальное везение продолжается дольше трех месяцев – это *уже* пахнет серьезной подставой, а мои компании жируют в долине благоденствия десятилетиями.

Я слишком поздно заметил надвигающуюся катастрофу. Семь лет назад.

Тогда меня увлекли другие забавы. Пришлось на некоторое время отойти от дел. А когда вернулся, момент был упущен.

Я поговорил с людьми, проглядел документы и понял, что каждая сделка – разумеется, удачная – работает против меня. Ситуация довольно редкая, но известная. Какой-то шутник решил поиграть со мной, откормить, как свинью на заклание, и устроить небольшое барбекю. Если тебя не пытаются растащить по кусочкам, значит, хотят сожрать целиком. Известная схема. У нее много вариантов: поглощение, слияние, рейдерство. Но суть одна: смена хозяина. Я сам не раз такое проворачивал.

Кто-то заложил бомбу под основание моей империи. Дру-

гое объяснение тогда просто не пришло мне в голову.

Где-то неделю я искал мифического диверсанта, чтобы в дружеской беседе за стаканом шотландского виски предостеречь товарища о возможных проблемах с пищеварением.

И нашел. Но дружеская беседа не состоялась. Очень приятно было узнать, что бомбу заложил я сам. Призрачная надежда обрести достойного соперника развеялась как дым. А где-то в самой глубине моего детища неприметные часики продолжали обратный отсчет.

Я создал идеальную финансовую империю. Неуязвимую и неприступную. Ни врагов, ни конкурентов – они быстро поняли, что со мной выгоднее дружить. Только друзья и партнеры. Тишь да гладь. А потом успокоился, потерял бдительность, и ситуация вышла из-под контроля. График моего успеха вопреки всем экономическим законам пущенной стрелой устремился вверх. Что-либо исправлять было уже поздно.

Аудиторские проверки одна за другой только подливали масло в огонь: империя процветает, обороты растут. Прогнозы самые радужные. Все не просто благополучно, все идеально! За что боролись, к тому и приплыли...

Любая армия теряет боеспособность, покрывается жирком и начинает разлагаться изнутри, если долго не участвует в боях. С финансовыми корпорациями ситуация покоя невозможна в принципе. Они по определению воюют всегда и за все. Контракты, конкурсы, клиенты, недвижимость, кад-

ры, налоги, контроль рынка, места в парламенте – ни одна из этих составляющих прибыли не дается просто так. За все нужно драться. Стоит немного расслабиться, уступить – и ты несешь убытки. Меня вполне устраивает это априорное status quo. Я принимаю правила игры. Пожалуйста! Никаких проблем! Так почему нам все и всё уступают без боя?!

Решение пряталось в густом тумане. Пойди отыщи! Я никому не мог рассказать о неминуемой катастрофе и попросить помощи. Жене, как всегда, было не до моих игр: «С этим ты и сам справишься», а коллеги подняли бы меня на смех. Нельзя конкурировать с пустотой, нельзя играть в убыток. Мои парни не поймут. Я слишком хорошо их натаскал, чтобы они безболезненно пошли против первой заповеди, против базовой прошивки. Да и какой смысл? Все равно ничего не получится. Пусть они десять раз лучшие в своей области, но и у них есть границы применения.

Мне нужен был человек, способный перевернуть Корпорацию с ног на голову, вытрясти из нее пыль, а потом снова все расставить на свои места. Только где же такого взять? А если случится чудо и он все-таки найдется – как поставить задачу?

Идея привлечь кризисных менеджеров со стороны поначалу казалась мне чистым безумием: компания процветает, о каком кризисе можно говорить? Не хотелось позориться и показывать свою слабость. Но потом я понял, что позвать че-

ловека со стороны необходимо. Пришлось пересилить гордость и уцепиться за соломинку...

Я не стал приглашать лучших специалистов. Громкие имена привлекают внимание, порождают слухи. Мне нужна была «свежая голова», просто грамотный менеджер – не засвеченный в экономической прессе и наших кругах, из тех, кому можно доверять не запугивая. Предварительный список насчитывал десять имен. Я решил начать с Гриши Корзуна. Мы вместе учились и старались не терять друг друга из виду. Талантливый паренек. Вытащил пару заводов из гарантированного банкротства, а потом, когда понял, что банкротить выгоднее, чем спасать, впал в депрессию, стал заниматься какой-то ерундой и утонул в ней по уши. В высший эшелон не полез, утверждая, что ему и так неплохо.

Встреча прошла в теплой дружеской обстановке и оказалась совершенно бесполезной.

Гришка появился в серой несвежей рубашке с длинными рукавами, в черных потертых брюках и давненько не чищенных ботинках. Весь какой-то неухоженный и опустившийся. Но с неизменной американской улыбкой.

Для начала он отбросил мою протянутую руку и полез обниматься. После шуточных упреков из серии «что-то ты совсем забыл старых друзей, но мы все равно тебя любим» я выслушал двадцатиминутную оду в собственную честь. Думал, не выдержу – и меня стошнит в собственном кабинете. Но ничего, обошлось: распахнул окна, вдохнул утренний

июньский воздух на уровне сорокового этажа и оно как-то сразу полегчало. В конце хвалебного песнопения даже воспрянул немного: Гришка перешел на заговорческий тон:

– Ты, конечно, извини, друг, но, прежде чем сюда прийти, я навел о твоей Корпорации кое-какие справки. Так, чисто на всякий случай. Заглянул в два твоих банка, а потом уже и здесь посмотрел, как у тебя люди работают...

– Ну и... – прошептал я, стараясь не показывать волнение.

– Здорово живешь! Завидую. Это же не компания, а швейцарские часы, математический маятник! Ты создал эталон стабильности и успеха! Буду всем приводить тебя в пример! «Вот как надо работать! Вот уж кому точно не понадобится моя помощь!» Ха-ха! И о чем ты хотел поговорить?

После такого у меня резко отпало желание приглашать кого-то еще.

Гришку пришлось взять на работу. Парень головастый – в хозяйстве пригодится. Да и как не помочь хорошему человеку?

Вечером я всё рассказал жене. Но она, человек совершенно далекий от финансов, только усмехнулась, взъерошила мои волосы, обняла и прошептала в самое ухо:

– Вот и хорошо. Будет тебе, над чем поразмыслить на досуге. А теперь выкини из головы эту ерунду и давай поговорим о серьезных вещах...

В результате мы остались один на один. Я и моя проблема. А часики тикали.

В какую-то минуту я подумал, что развал империи – это не так уж плохо. Из всего надо извлекать прибыль. Да, проиграю, да, потерплю поражение. Зато открою для себя новое ощущение. Как эта штука называется? Радость познания. Вот! Неплохой вариант, но уж больно он походил на банальное оправдание слабости, и мне пришлось опять скрипеть мозгами.

Сколько ни напрягал я извилины, но так и не сумел ответить на вопрос: «Как поддержать боеспособность Корпорации?» Переутомленный мозг выдал всего лишь два относительно вменяемых способа: постоянная ротация персонала и внутренние диверсии, но ни одним из них я не мог воспользоваться. Выбрасывать на улицу таких людей, чтобы набрать непонятно кого?! Не смешите. Тогда все развалится еще быстрее. А диверсии... Ну... я же не за красивую улыбку ценю своих людей. Они вычислят меня за пару минут, начнут задавать вопросы... И на этом, опять-таки, все закончится.

В конце концов я отстранился и решил: пусть все идет, как идет...

Семь лет все шло неплохо.

Мои ребята жирели, незаметно теряя осторожность и мастерство. Опыт поражений забылся, гонора прибавилось. Внешне мы до сих пор неприступны. У нас хороший запас прочности. А внутри – хуже не придумаешь. Если у бойцов нет внешнего врага, они начинают воевать друг с дру-

гом. Чудо, что мы продержались так долго. Все-таки семь лет – не кислый срок. Но кажется, это всё. Ресурсы исчерпаны. Предел прочности достигнут.

Неделю назад Корпорация основательно зашаталась.

Аналитики рынка акций ополчились на отдел стратегического планирования. Те в долгу не остались. В отсутствии общей стратегии трейдеры пересобачились между собой и начали творить полную отсебятину. О командной игре пришлось забыть. Но прибыль не падала, что еще больше убедило каждого в своей правоте, и всеобщая грызня вышла на новый уровень.

А вчера в десять утра мой первый зам не выдержал и решил уволить самых рьяных бунтарей, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Через час мне позвонила заплаканная Олечка Пронина из отдела кадров и внутрикорпоративного пиара. Сообщила, что она с этим больше не справляется и ее тоже нужно уволить. Видишь ли, потеря таких трейдеров и аналитиков – это сокрушительный удар по компании, а значит, и лично по ее профессиональной репутации.

Пришлось ехать и решать проблему на месте.

Я все разрулил, всех успокоил.

Первым делом зашел к Олечке, подарил ей букет роз, бутылку шампанского, кольцо с бриллиантами и ключи от новенького «БМВ» – универсала. Поблагодарил за отличную работу, профессиональное мужество и попросил не бросать Корпорацию в такой сложный момент. *Куда я без вас?* Она

осталась.

Я же говорил, у меня отличная команда. Девочка сдерживала моих бойцовских псов семь лет. Где я еще найду такого пиарщика?

Дальше все было просто. Игры в доброго дядю закончились. Я собрал своих управленцев, аналитиков и трейдеров – остальные кадры сами подтянулись – и жестко заявил:

– Никто никого не уволит. Но. Если. Я еще раз увижу. Или узнаю. Что Олечка Пронина плачет на работе. Вы все вылетите отсюда в ту же минуту. Даю слово, – после чего откланялся и сразу же поехал в Академию.

А почему бы и не уволить? Все равно с этой песочницей пора заканчивать! Не терплю, когда хорошие люди плачут. Сразу начинаю действовать: то за ручку хватаюсь, то за меч. В любом случае слезы высыхают очень быстро.

Перформанс удался, должно хватить на неделю. Потом случится еще что-нибудь. Начнут разваливаться банки, дочерние компании, а я физически не смогу лично всех успокаивать. Интересно, как быстро мы исчезнем?

Из машины позвонил жене и после второго гудка услышал ее радостное: «Здравствуй».

– Приветик, можешь меня поздравить.

– С чем? – Тон подозрительный.

– Помнишь, я рассказывал тебе об одной сложной задачке, а ты посоветовала мне подумать над ней на досуге?

– Разумеется. И что? – Кажется, она заинтересовалась.

- Все закончилось. Решения нет. Я проиграл.
- Ты шутишь! – Заливистый смех.
- Нет, все очень серьезно.
- Я тебе не верю.
- Но это правда.
- Нет, – категоричным тоном отрезала моя дражайшая половина и перестала смеяться.
- Почему?
- Ты никогда не проигрываешь.
- Это тоже правда, – ответил я коротким гудкам.

Создать идеальную финансовую империю из реальных людей вполне возможно. Меня угораздило. Сбылась мечта идиота. Потешил самолюбие. Опять немного заигрался, чуточку недоглядел, но в целом затея удалась. Наверное, я должен радоваться, даже если Корпорация развалится к чертям. Все-таки десять лет у нас было.

Вот теперь сижу на подоконнике у открытого окна в пустой поточной аудитории, радуюсь и...

Лекция. Автосалон: что у нас тут за тачки?

...жадно вдыхаю двадцатиградусный мороз.

Выйти из игры оказалось не так-то просто – затянуло по самые уши. Сбежать или начать новый сезон?

Ответа нет.

Но есть две минуты на размышление. Потом сюда ворвутся три сотни первокурсников.

Сейчас они притворяются дикими гуннами и носятся по коридору, наводя ужас на почтенных преподавателей. В эпицентре улюлюкающего сумасшествия, прижавшись спиной к дубовым дверям аудитории, стоит секретарь учебной части, моя разлюбленная Валентиночка Григорьевна, и, притворяясь Цербером, наводит ужас на «диких гуннов». Коридорные войны в прямом эфире. Какие страсти, какие эмоции! Полноценная драматургия! Все ради того, чтобы обеспечить мне пять минут тишины и покоя. Три минуты я уже бездарно потратил. Осталось две...

Они называют ее Глашатай УЧАСТИ и предпочитают не связываться. Весьма мудрое решение. Печальный опыт прежних поколений не прошел даром. Детишки учатся выживать, а первое правило выживания в Академии финансов гласит: хочешь получить диплом – не ссорься с УЧАСТЬЮ и ее Глашатай. Даже я – что уж там греха таить – побаиваюсь эту женщину и никогда не лезу на рожон. Хотя диплом Академии для меня – просто бумажка. Пылится где-то в ящике стола.

Казалось бы, ну кто она вообще такая, эта Валентина Григорьевна? Чего так выпендривается, и почему ее до сих пор не поприжали? Ведь никому житья не дает, ведь все в Академии, начиная со студентов и заканчивая ректором, ее нена-

видят и... боятся?!

Да, собственно говоря, никто. Человек-феномен. Полная громогласная тетенька пенсионного возраста с завышенной оценкой собственной значимости, абсолютно уверенная, что начальство ее катастрофически недооценивает, что на своем месте она незаменима и что только благодаря ей вся эта прогнившая насквозь Академия окончательно не развалилась. Налицо – типичный комплекс профессиональной нереализованности. Ладно бы еще молчала в тряпочку. Так нет же, навешивает каждому встречному-поперечному о своей исключительности, чтобы все знали, кто в доме хозяин. Меня, например, от ее душещипательных монологов уже давно потрясывает. И тем не менее... бывают минуты... как сейчас, например... когда я понимаю, что она во многом права...

Мне захотелось пяти минут тишины и одиночества. Я спросил Валентину Григорьевну, возможно ли это устроить? И вот пожалуйста – пока в коридоре идет эпическое противостояние темных веков и античности, вся аудитория номер триста восемь предоставлена в мое личное пользование.

Как у Глашатай получаются такие штуки – ума не приложу. Настоящая женщина-загадка. Впрочем, поговаривают – и я сам неоднократно это слышал, – будто у нее имеется серьезный покровитель на самой вершине финансового олимпа. Но не думаю, что все объясняется так просто...

А хорошо все-таки за окошком! Свежо! Морозец! Припудренные машинки сбрасывают скорость у перекрестка,

ползут, как слепые котятa, и почти не воняют. Но гаишники все равно зарабатывают деньги, обеспечивая безопасность на заледеневших дорогах. Заботятся о гражданах. Вот опять какой-то «бимер» тормознули. Снежинки опускаются и не тают. Людей нет. Благодарь! Выйти бы сейчас туда и учудить что-нибудь развеселое, чтобы весь город взбодрился, а потом неделю вспоминал! Но нет... Стой и дыши мелом два часа! Ищи иголку в стоге сена.

Я всегда выбираю второй семестр. Начинать раньше неспортивно. Слишком скучно играть в мессию и лепить фигурки из пластилина. Детям нужно дать шанс. Пусть у них сложится собственное представление о профессии, об Академии, о преподавателях, пусть они походят в библиотеку и почитают умные книги, усвоят организационные вопросы и академические формальности. Пусть у них сформируется собственный внутренний стержень. Хотя бы чуть-чуть.

Ко встрече со мной надо серьёзно готовиться...

Это уж точно! Кто не спрятался – я не виноват. Кто не успел – тот опоздал! Молчу-молчу...

По-хорошему, нужно дать им еще пару годков, но уже ко второму курсу выбирать будет не из чего. Мозги, промытые кабинетной отравой а-ля «Экономикс», для серьезной игры не годятся. Частные вечеринки, биржевые площадки и ленты телеграфных агентств – три доски, на которых настоящие деньги пишут свои законы в реальном времени, навсегда останутся для них terra inkognita, как, впрочем, и для боль-

шинства здешних преподавателей, да простят они меня.

Если вовремя не вмешаться, то гарантировано станешь зрителем трагикомедий, театра абсурда или дешевого фарса. У меня эти спектакли уже в печенках сидят. Я наблюдал их сотни раз. Больше не могу.

Юношеская психика честно пытается переварить лекционный бред, а потом выдает спецэффекты. Детишки мучаются кошмарами, просыпаются среди ночи в холодном поту и не могут уснуть. Куда это годится?! Я, конечно, все понимаю, но если тебе ночью является невидимая рука Адама Смита² и показывает кукиш, то первым делом надо предложить столь редкой гостье чашечку кофе и устроить романтический тет-а-тет. Не сориентировался? Банально проснулся от собственного крика? Извини, дорогой, ты выбрал не ту профессию. Забудь о финансах и займись чем-нибудь другим.

Но нет, не хотят... Страшно смотреть, как юные создания лезут из кожи вон по головам друг друга, чтобы только их заметили, полюбили и оставили на кафедре, где они в тепличных условиях смогут писать нудные статьи-перепевки, стареть и, в свою очередь, пудрить мозги студентам.

Нет ничего плохого – правда, и хорошего тоже – в том, что ты высидел книгу об инвестициях, не сделав ни одного вложения. Просто замечательно, если твой опус купят, а тебя самого еще и какой-нибудь премией наградят. Ну по-

---

² «Невидимая рука» – метафора, предложенная Адамом Смитом для обозначения механизма саморегулирования рынка.

смеялась над тобой судьба, ну боишься ты подойти к бирже на пушечный выстрел и даже в бухгалтерию Академии захо-дишь с опаской – это не имеет значения. Главное, ты не сдулся, не стух, не опустил рук. Ты накопал нетленку, сумел ее продать и даже сорвал банк в виде премии. Это заслуживает уважения. Жму руку. У меня только одна просьба: ради Бога, не впаривай свою книгу студентам!!! Кто знает, может быть, они еще сумеют устроиться по специальности! Зачем же перекрывать детям кислород?!

Какая-то нескончаемая дедовщина. И все из-за чего? Это не фатум, не злой рок и не козни завистливой соседки. Просто кому-то когда-то приснился не тот сон.

Асфальтоукладчик – вот ночной кошмар будущего трейдера. Или открытое окно сорокового этажа! Это я понимаю. Это по-нашему! Кому приснится, сразу беру к себе! Асфальтоукладчик... Ха! Неплохо получилось. Надо запомнить. Может быть, вставить его в сегодняшнюю лекцию? Ку-сочек реальной жизни на полотне теории. По крайней мере, после такого рука Адама Смита моих студентов точно не беспокоит.

Я тебе так вставляю, что сам не рад будешь!

Ну ладно, ладно... я же пошутил.

Значит, лекция все-таки состоится?

А куда деваться? Дети не виноваты в том, что я полный идиот и моя империя рушится. Повеселимся напоследок! Погоняем!

– Первый курс! Заходим в аудиторию! Быстро, тихо и спокойно! Спокойно, я сказала!!! Ща как двину! Профессор уже ждет! – Глашатая послала мне напоследок очаровательную улыбку, протиснулась бочком в дверной проем и растворилась в шумном потоке юных любознательных созданий.

Всё, сваливать поздно. Игра затягивается как минимум на один сезон.

Ну что ж, ребятки, сегодня я добрый. Считайте, вам повезло.

Окошко прикрой, добренький ты наш! Мороз на дворе! А теперь топай к столу и присядь.

Нам выделили старую триста восьмую аудиторию, похожую на обычный школьный класс, только размерчиком побольше. Никакого тебе амфитеатра перед преподавательской кафедрой. Никаких ступенек. Да и кафедры тоже никакой нет. Только стулья, шесть рядов парт и стол для преподавателя. Проще некуда. Получите свободный доступ к телу каждого студента. Всё, как я и просил. Приятно, когда администрация идет тебе навстречу, не задавая лишних вопросов.

Попались, касатики! Посмотрим, что из вас можно сделать. Мне нужно всего два-три потенциальных игрока, но буду рад и одному. Вас тут ровно три сотни. Вероятность успешного поиска – чуть меньше двадцати процентов. Придется попотеть.

Юные мордашки еще светятся интересом и, не стесняясь,

сверлят глазами мой чемоданчик. Это хорошо... Это очень хорошо... Хе-хе. Слава идет впереди меня и значительно облегчает работу.

Сейчас их можно брать голыми руками, делать с ними всё, что захочешь, а они тебе еще и спасибо скажут. Молодые, наивные... Но уже страстно желают нагрести побольше деньжат всеми доступными способами. Весьма, кстати, похвальное желание. Мы всегда рады поспособствовать, подтолкнуть в правильном направлении, хе-хе. Поделиться опытом...

Молодость и наивность очень скоро уйдут. Жажда денег останется навсегда. Приятная неизлечимая болезнь, которую, раз подцепив, хочется носить и лелеять в себе до самой смерти. Дальше всё будет очень скучно: презрение и недоверие ко всему вокруг, патологическая, всё возрастающая неудовлетворенность на самых глубинных уровнях и запредельные развлечения, чтобы от этой неудовлетворенности отвлечься. Ни молодости, ни наивности. Все четко и ясно. И невыносимо скучно.

А пока что у нас и то, и другое, и третье. Только, вот, денег маловато. Обожаю такие мгновения. Они – как наркотик. Неужели я подсел и без него уже не смогу?

У меня есть тридцать секунд, пока дети рассядутся и начнут требовать внимания. Что же выбрать для первой лекции: шоковую терапию или теоретическое занудство, разбодяженное анекдотами и реальными казусами?

На занудство у нас нет времени. Разрешаю терапию. Только осторожнее.

Пора начинать спектакль. Озвучим домашнюю заготовочку.

Теперь главное – не заиграться и роли не перепутать. Встань и прогуляйся до окошка, а потом обратно. Тогда и начнешь. И давай без пошлятины, как в прошлый раз. «Друзья», «коллеги»... Придумай что-нибудь новенькое. Поехали...

Да, чуть не забыл, я не профессор. Но все равно приятно!
Поехали!

– Здравствуйте, ребята! Вставать не нужно, не нужно... Потом ведь присесть придется. Передо мной не стоит. Господь с вами! Присаживайтесь, ножки берегите... Они вам еще пригодятся. А я и так знаю, что вы меня уважаете.

Это слишком круто. Давай помягче.

– Хочу, чтобы вы сразу уяснили себе истинный смысл наших занятий. Он очень прост. Мы будем учиться зарабатывать деньги. Всё. В течение семестра мы будем заниматься только этим!

А теперь сделай небольшую паузу, чтобы они прониклись моментом, осознали...

Да зачем же смотреть на меня как на мессию?! Куда ни плюнь – обязательно попадешь в чей-то открытый рот. Противно. Деньги... в них скрыта великая сила, но не настолько же?! Родные мои, это уже становится скучным. Если так

пойдет и дальше, я ведь уйду от вас...

Нашел себе родственничков! Просили же как человека, не надо панибратства. Хорошо, хоть вслух не ляпнул. Продолжай... Потом будешь медитировать. Расскажи им про сладкое.

– В конце лекции каждый, кто останется в аудитории, получит по сто долларов из этого чемоданчика...

Я открыл свой кейс, показал его аудитории и лишний раз убедился, что в отечественном образовании чемоданчик, набитый под завязку американской валютой, по-прежнему остается лучшим демонстрационным материалом.

– ...только за то, что досидел до конца. Да, и желательно не опаздывать. Со следующего раза вы будете получать по сто долларов еще и в начале лекции. Награда за пунктуальность. Вы уважаете меня – я уважаю вас.

Это еще что за пошлость? Какое уважение?! Смотрится очень дешево. Не подмазывайся.

Восторженный гул.

– Экзамены, кстати, тоже будут оплачиваться. Тысячу получит каждый, кто сдаст на «отлично». Надеюсь, вы ничего не имеете против платных экзаменов? А то некоторым студентам, я знаю, не нравится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.